

Дмитрий Валентинович Янковский

Властелин вероятности

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161279

Аннотация

С советских времен на территории нашей страны работает Институт экзотических исследований – военизированная секретная организация, которая занимается изучением и уничтожением астральных паразитов и хищников, питающихся человеческими эмоциями, энергией, жизненной силой. Однако даже столь мощной организации не под силу противостоять внезапно появившемуся загадочному противнику, способному управлять случайностями и провоцировать любое необходимое ему событие. После трагической гибели коллег сотрудники института Аня и Сергей пытаются найти и уничтожить зловещего властелина вероятности.

Также роман издавался под названием «Флейта и Ветер».

Содержание

ГЛАВА	4
ГЛАВА	13
ГЛАВА	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Янковский

Властелин вероятности

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Асфальт, мокрый после дождя, был похож на уснувшую реку. Белая ночь замерла над Питером, перепутав реальное с нереальным. Тени казались живыми, а шорохи призрачными, словно они доносились из параллельного мира. Но внезапно другой звук – плотный, вещественный – разорвал влажную тишину над Васильевским островом. Рев автомобильного двигателя стремительно приближался со стороны Невы, становился громче, сильнее, отчетливей. Послышался визг скрипящей на поворотах резины. Застоялая тишина не выдержала и нехотя отползла в подворотни.

Светофор на перекрестке Двенадцатой линии и Малого проспекта переключился на красный. Тут же стена дома озарилась светом фар, и на перекресток с ревом влетела красная «Нива». На крутом повороте машина едва не завалилась на бок, мазнув между лужами густым следом резины.

Водитель, черноволосый парень лет двадцати пяти, рывком переключился на четвертую передачу и вдавил газ до упора. Девушка на переднем сиденье крепче стиснула подлокотник. Рвущийся в окно ветер трепал ее рыжие волосы, ворот рубашки приоткрыл загорелую шею. Девушка смахнула упавшую на глаза челку и повернулась к водителю.

– Уже пятьдесят шесть минут, как они не звонили. – Ее голос с трудом перекрывал рев мотора. – Неужели подопечный умудрился выкинуть какой-нибудь фокус?

Парень ничего не ответил – зыбкие отражения сумерек плясали в его темных глазах, пальцы на руле побелели от напряжения. Машина рассекала пространство, огни галогеновых фар отражались в мокром асфальте, стирая с дороги желтые отсветы окон. Форсированный двигатель ревел с неистовством дикого зверя, оставляя позади пелену выхлопного газа. Подвеска стонала от напряжения, на чуть заметных неровностях машину кидало из стороны в сторону, но водитель уверенно держал трассу.

Вдруг впереди на дороге блеснула огромная лужа.

– Лесик!!! – испуганно вскрикнула девушка, распахнув голубые глаза.

Парень уже заметил – рефлекторно ударил по тормозам, резко рванул руль влево. На огромной скорости автомобиль занесло и с визгом поволокло по асфальту. Силы трения и инерции вступили в беспощадную битву, резко завоняло жженой резиной, но машину продолжало тащить вперед. Застопоренные колеса скользили словно по льду, мусор вдоль бордюра взвился беспокойными вихрями.

Совсем рядом с передним бампером мелькнул выехавший с Восьмой линии трамвай, и девушка в ужасе зажмурилась. «Нива» въехала колесом на бордюр, подскочила и, покачнувшись, замерла на тротуаре. Двигатель бессильно смолк. Только из выхлопной трубы, как из ствола пулемета, еще сочилась голубоватая струйка дыма.

Девушка сидела, сжавшись в комочек. Она боялась открыть глаза.

– Аня... – позвал ее парень. – Анечка, все нормально. Успокойся, пожалуйста.

Она медленно подняла голову. Злополучный трамвай звякнул и неспешно покатылся по проспекту.

– Дурак, – сказала Анечка тихим от пережитого испуга голосом. – Зачем так гнать по мокрому? Чуть под трамвай не влетели! Нельзя же все время надеяться на удачу!

– При чем здесь удача? Просто реакция нормальная. – Водитель неопределенно пожал плечами. – А от неожиданностей не застрахован никто. Кто знал, что среди ночи нам попадется дежурный трамвай?

Длинная трель разорвала зыбкую тишину. Лесик вынул из кармана куртки сотовый телефон и вдавлив замерцавшую кнопку.

– Слушаю, – сказал он. – Да, почти доехали. Обязательно позвоним. Хорошо. Понятно.

Выключенный телефон парень отправил обратно в карман.

– Его Превосходительство беспокоится, – фыркнул Лесик. – Но тут уже совсем близко.

Он повернул ключ зажигания. Лязгнул стартер, форсированный двигатель отозвался густым басовитым ревом, «Нива» аккуратно съехала с тротуара и с пробуксовкой рванула в сторону залива. Сумеречные здания, набирая скорость, побежали назад.

Проехали четыре квартала. Лесик притормозил, свернул в переулок и на малой скорости заехал в арку на Шестнадцатой линии. «Нива» приткнулась у большой кучи строительного песка, двигатель замер, но эхо еще пару секунд билось в гулком колодце двора.

На уровне второго этажа в стене дома чернела стальная дверь, к ней вела ржавая лестница, сваренная из нескольких корабельных трапов. Там, наверху, ритмично ухала музыка.

Лесик вышел из машины, поправляя высокий воротник куртки, надетой поверх светлой рубашки. Анечка закрыла окно и выбралась следом, плотно защелкнув дверцу.

Машина подождала пару секунд, пискнула и трижды моргнула подфарниками. Кнопки замков автоматически опустились.

– Здесь войдем или с центрального входа? – Девушка смахнула с лица непослушный локон. – Не надо, наверно, раньше времени шум поднимать.

Она нерешительно шагнула вперед, скрипнув туфель на высокой платформе по куче песка. Бордовые джинсы настолько плотно облегли фигуру девушки, что в полутьме ее ноги казались голыми. Легкая рубашка навывпуск, на бедрах – густая бархатистая тень. На тонком запястье агрессивно блеснули огромные «командирские» часы.

Парень бросил ключи в карман и двинулся следом. Его темный силуэт терялся в провалах теней, лишь черные туфли поскрипывали по рассыпанному на бетоне песку. Брючный ремень охватывал узкие бедра чуть наискось, словно к нему было подвешено что-то потяжелее сотового телефона.

Они с Анечкой миновали арку, обогнули дом и добрались до ободранной двери со стороны проспекта. Лесик потянул ручку, дверь поддалась со скрежетом ржавой пружины. Девушка вошла первой, приостановилась, но глаза быстро привыкли к полутьме. Здесь музыка слышалась значительно громче, даже в груди защекотало от ритмичных колебаний воздуха.

– Не тормози... – буркнул в самое ухо Лесик.

Впереди виднелась грязная бетонная лестница, справа вонючие туалеты, слева в пустом баре скучал бармен. Анечка ступила на лестницу и начала подниматься, стараясь не касаться липких перил. Здесь музыка превратилась в непрерывный гул, в котором прослеживался совершенно неистовый ритм. Лесик ровно дышал в затылок.

В углу лестничной клетки валялись окурки папирос, докуренных до картона, несколько пивных бутылок и что-то бесформенно-грязное, на что совсем не хотелось смотреть.

– Давно надо было сдать эту контору милиции, – брезгливо скривилась Анечка.

– Это ты хорошо придумала, – фыркнул Лесик. – Сдать, потом ждать, когда все прояснится снова, опять искать подходы, внедрять людей...

– Все равно противно, – упрямо надула губы девушка. – Меня трясет от всего этого.

– А кто говорил, что будет легко? – Парень пожал плечами.

Аня умолкла. Музыка била в уши, по ступеням начали прыгать отблески дискотечных огней. Танцевальный ритм овладевал не только слухом, но и телом – Анечка поймала себя на том, что ступает точно в такт ухажущим барабанам.

Короткий коридор вывел их в большой угольно-черный зал, расчерченный лучами разноцветных лазеров. Сполохи мигающих прожекторов и холодный ультрафиолет подсветки не могли вырвать стены из цепких объятий тьмы.

Около сотни распаренных подростков остервенело сотрясались в такт тяжелой танцевалке. Некоторые курили, некоторые бессмысленно улыбались. Над головами приплясывали на стенах нарисованные скелеты, светящиеся в потоках ультрафиолета, парили анимационные призраки. Лазеры мигали в едином ритме, люди двигались в едином ритме, воздух подрагивал, сигаретный дым струился к потолку, подчиняясь, казалось, тому же ритму.

– Жизнерадостное местечко, – нахмурилась Анечка. – Деня мог бы выбрать клуб почище.

– И чем бы мы тогда занимались? – безразлично спросил Лесик. – Ловили бы бабок-гадалок?

В дальнем конце зала возвышалась черная сцена, на которой в световых столбах прожекторов эпилептически дергалась четверка музыкантов. Звуки они издавали такие, что музыкой это мог назвать только глухой.

– Чего это Деня сегодня на клавишах? – удивилась Анечка.

– Секрет... – не сумел сдержать смехок Лесик.

– А серьезно? – Девушка старалась перекрыть лавину рвущегося со сцены звука.

Мелькание лазеров начало действовать на нее возбуждающе, дрожь в груди постепенно спускалась ниже, завладевая всем телом. Казалось, упругие волны барабанного рокота и всеобщего возбуждения щекочат кожу под одеждой.

– Вчера зрители пытались Деню в зал стащить, – сказал Лесик. – Он малость повредился.

Музыка оборвалась так резко, что последнее слово Лесика повисло в замершем воздухе. Но никто из посетителей клуба не обратил на это внимания. Клавишник – долговязый, затянутый в кожу белобрысый юноша – придвинул к губам микрофон. Рокот движения и неотлаженный свист отдались в динамиках. Музыкант картинно прислушался, его губы растянулись в улыбке.

– В нашей программе короткий перерыв, – подмигнул он собравшимся.

Зал отозвался неодобрительным гулом.

– А после небольшой паузы на сцену выйдет та, которую все так ждут, – продолжал белобрысый. – Лучезарная Коротышка-Ириш с новой программой!

Толпа взревела, многие в щенячьем восторге захлопали в ладоши. Клавишник помахал им рукой. Гул усилился.

Анечка брезгливо скривилась и взяла Лесика за локоть.

– Пойдем в примерку! – крикнула она ему в ухо, стараясь перекрыть рев толпы.

Они двинулись через зал – Лесик активно работал локтями, на него ругались, отчего Анечка только больше хмурила брови. Музыканты уже скрылись за кулисами, и только клавишник копался с проводами синтезатора.

– Чего это вы? – удивленно витаращился он, увидев знакомые лица.

– Ты еще спрашиваешь? – сквозь зубы процедила Анечка. – Тебя больше часа нет на связи! Совсем с ума посходили? Мы из-за вас чуть не убили.

– Остынь, – попробовал остановить ее Лесик.

– Не затыкай мне рот, – отмахнулась девушка. – Трудно было позвонить? Договаривались же – в нынешней обстановке связь через каждые пятнадцать-двадцать минут! Всех на уши подняли!

– Во, налетела... – музыкант озадаченно почесал в затылке. – Рыжая фурия! Я Ирину оставил на связи, она с телефоном в гримерке. Через десять минут ей петь, а я посижу с телефоном.

– Ты что, не понял? – сорвалась Анечка. – Она не звонила!

Лесик откинул полу куртки, обнажив торчащую из кобуры рукоять пистолета.

– Быстро в гримерку! – скомандовал он.

Клавишник перепрыгнул через висящий жгут проводов и первым ворвался в крохотную комнатку со стенами, обклеенными вырезками из порножурналов.

– Где Ира? – спросил он отдыхающих на диване музыкантов.

Те только недоуменно переглянулись и разом прыснули смехом.

– Обкурились, гады... – вынес диагноз Лесик. – Деня, тут есть другой выход?

– За ширмой! – показал клавишник. – Там запасной, по железной лестнице.

Лесик ловко перепрыгнул низкий кожаный пуфик и метнулся за ширму. Бледный Деня, звеня цепями на куртке и чертыхаясь на каждом шагу, бежал следом.

– Не понимаю ни черта... – выдохнул он.

– Я тоже, – чуть запыхавшись, ответил Лесик. – Кстати, твое задание никто не отменял. Быстро в зал!

– А Ира? – Музыкант остановился.

– У тебя есть подопечный? – Иногда Лесик умел быть жестоким. – Вот и работай с ним. Мы прибыли как аварийная команда, мы и будем искать.

Деня в темноте шмыгнул носом, увешанный цепями костюм металлиста жалобно зазвенел.

– Иди! – спокойно, но твердо сказала Анечка. – Я тебя очень прошу. Иначе ведь месяц работы насмарку!

Белобрысый тяжело вздохнул и скрылся в зыбкой полутьме. Толпа в зале уже начинала нетерпеливо посвистывать.

– Здесь выход, – показал на светлую щель в стене Лесик.

Лязгнув засов, и дверь выпустила Анечку на металлический трап. Вниз, к машине, вела гулкая железная лестница. Высокие подошвы очень мешали девушке двигаться, поэтому Лесик быстро ее обогнал.

– Маячок! – крикнула она сверху.

Лесик нажал кнопку радиобрелка, и машина приветливо мигнула огнями. Он достал с заднего сиденья увесистую дорожную сумку, рывком расстегнул. На сиденье вывалился короткий автомат с отстегнутым магазином, какие-то коробки, цилиндры, вообще ни на что не похожие вещи. Лесик выбрал небольшой приборчик, похожий на детскую электронную игру «Геймбой», бросил подбежавшей напарнице, а сам прихватил черный футляр, в каких носят бинокли. Затем торопливо засунул автомат в сумку, покидал сверху рассыпанное и застегнул «молнию».

– Ирины нет на локаторе! – закусил губу девушка, глядя на экранчик прибора. – Лесик, надо срочно что-то делать!

– Успокойся... – дрожащим голосом ответил парень, раскрывая футляр.

Из футляра он достал устройство, похожее на прибор ночного видения: шлем-маска с короткими окулярами на глазах, навесной аккумулятор на обруче, от него за ухом витой черный провод. Лесик надел шлем и надвинул на глаза окуляры. В сером сумраке белой ночи с этим устройством он смотрелся не просто странно – пугающе.

– Что там? – напряженно спросила Анечка.

– Ничего. Ровная засветка «А-2». Фон. – Он щелкнул шарнирным замком и поднял маску прибора, чтоб не закрывала глаза. Затем присел возле песочной кучи. – Ты помогала Ирине одеваться?

– Да, – коротко ответила Анечка. – Еще челку ей подровняла.

– Какая на ней обувь?

– Черные кроссовки.

– Умница! – от души похвалил Лесик и показал на свежерастоптанный песок. На нем отчетливо виднелись следы двух видов – плоские, без протекторов, как от мужских туфель, и рифленые, от кроссовок.

– Спрыгнула через перила! – Парень на глаз оценил глубину следов. – Вон туда они оба рванули!

Чуть подальше на асфальте была небольшая лужица. Мужские туфли отметились в ней, мокрая цепочка тянулась к узкому – только-только двум людям разойтись – проходу между домами. Кроссовки оставили возле лужи небольшие полоски песка.

– Эх, не проедем! – Анечка расстроено поджала губы.

– Надо бежать, из машины все равно следов не различить! – Лесик кинулся через двор, не снимая с головы жутковатый прибор, делающий его похожим на фантастическую птицу с древнеегипетских фресок. В колодце стен, убегающих к небу, шаги отдавались тревожно, как удары сердца.

Анечке пришлось сбросить туфли – на платформах она бежать не могла.

Лесик пересек двор первым, проскочил в проход между домами и направился к арке, ведущей на улицу. Анечка не отставала, стремясь скорее выбраться из каменного колодца двора. Проспект стрелой убегал к заливу, пахнувшему сыростью и бризом.

– И куда теперь? – Парень хмуро остановился.

Сверху текла вода – крупные капли падали с крыши и били в заржавленный подоконник, мешая прислушиваться.

Вдруг воздух ожил, вздрогнул порывом ветра, и капли скупно зашлепали об асфальт. Анечка непроизвольно глянула на брызги и рядом с образовавшейся лужицей заметила упавшие с кроссовок песчинки.

– Кажется, туда! – ткнула она пальцем в сторону залива.

Они бросились бежать по Малому проспекту. Воротник Лесиковой куртки щелкал краями, челка Анечки походила на язык буйного пламени. Девушка бежала легко, не отставая от парня, ее босые подошвы мягко шлепали по асфальту.

– Маячок! – напомнил Лесик.

– Пусто... – Анечка мельком глянула на экранчик прибора.

Пробежали мимо заросшего Смоленского кладбища. Белая ночь разливала свет равномерно, не оставляя под деревьями места для тени. Позади послышался вой милицейской сирены, и Анечка едва успела затянуть напарника в подворотню. Под ногой что-то звякнуло, покатилося.

– Не хватало только на ментов нарваться! – укоризненно шепнула она.

Упавшая бутылка докатилась до стены, звякнула и остановилась. На черной этикетке, под надписью «Невское», хмурились два золотых сфинкса. Когда сирена стихла, ребята снова рванули вперед, выскочили на Гаванскую и остановились.

– Ирина могла побежать куда угодно... – Лесик безнадежно огляделся. – Надо звонить Его Превосходительству.

– Деньке достанется, – вздохнула Анечка. – Давай хотя бы дойдем до залива, может, маячок сработает.

Они пересекли бульвар и двинулись по Шкиперскому протоку, оставив позади руины старого дома. Развалины выглядели остатками чего-то живого, но белая ночь часто путает реальное с нереальным. Лесик надвинул на глаза окуляры прибора.

– Плохо видно, – сообщил он. – Подвижный фон, как всегда возле кладбища.

У Анечки мороз пробежал по коже – никак не могла привыкнуть.

– Надо спешить, – заметил ее замешательство Лесик.

Они пробежали еще метров двести, под ногами загудел металлический мостик через проток. До залива оставалось совсем немного, и ветер тут был сильнее – настороженно шумел в кронах деревьев, игриво трепал волосы, пел в прутьях покосившихся старых ворот.

– Ой! – вскрикнула Анечка. – У меня метка на экране! Почти на пределе дальности. Двигается вдоль берега.

– Где? – оживился Лесик.

По экрану приборчика, расчерченного светящейся сеткой концентрических окружностей, двигалась яркая искорка, словно блоха на рентгеновском снимке. Анечка уверенно показала рукой на видневшуюся вдалеке свалку.

– Там.

Ленточки рваных пластиковых пакетов трепетали на колючей проволоке вдоль забора, Лесик внимательно вглядывался в окуляры прибора.

– Ну? – нетерпеливо спросила девушка.

– Что-то есть. – Голос парня прозвучал жутковато. – Что-то серьезное. Вон за той кучей ящиков и контейнеров. Засветка класса «Ка», около трех баллов. Если бы не этот проклятый фон, я бы сказал точнее. Ты взяла распылитель?

– Нет. – Анечка виновато склонила голову. – У меня карманы узкие.

– Детский сад! – фыркнул Лесик. – Ремень надо носить! Пойдем, только осторожнее, очень прошу. На телефон – если что, сразу звони на базу.

– А что понимать под твоим «если что»? – В голубых глазах девушки не заметно было и тени насмешки.

– Не знаю, – на ходу пожал плечами Лесик. – Давай скорее.

Асфальт кончился, Анечке стало трудно идти босиком. Парень теперь глядел только через прибор, но шаг не сбавлял. Здесь уже отчетливо пахло водой залива, ветер шумно играл обрывками пакетов, посвистывал в низком шлагбауме и рычагах брошенных тракторов.

Свалка выглядела белесой пыльной пустыней, расчерченной следами гусениц и тяжелых грузовиков, лишь кое-где пятнами росла трава. Далеко, почти у обрыва, виднелось внушительное нагромождение контейнеров и деревянных ящиков, на которое указал Лесик.

– Может, позвать Ирину? – В голосе девушки звучали жалобные нотки. – Тяжело босиком идти.

Ближе к заливу из пыли густо прорастала осока, мешая и путаясь в ногах.

– А если она кого-то ведет? – недовольно ответил Лесик. – Лучше подожди здесь, все равно у тебя никакого оружия. Ну и обулась же ты на операцию! Клужа.

– Я же не знала, что будет операция! – запротестовала Анечка.

Налетел порыв ветра, между коробками и контейнерами метнулась фигура в черном.

– Ирина! – не выдержала напряжения Анечка.

И тут же из-за ящиков ударил огненный веер автоматной очереди. Одна пуля сразу попала Лесику в левую руку, и его крутануло волчком, прибор слетел с головы и шлепнулся в пыль. Еще несколько визжащих кусков свинца пролетели совсем рядом с Аниной головой.

– Ой... – только и сказала она, когда грохот выстрелов наконец ударил по ушам.

– О...т-т...с-с... – сдавленно зашипел парень, падая на травяную подушку. – Аня, на землю! Быстро!..

Еще одна очередь выбила рядом с ними серию пылевых фонтанчиков.

Лесик с трудом вытянул из кобуры пистолет Макарова, но передернуть затвор не смог – руку задело сильно. Кровь сделала траву под ним темной, в сумерках почти черной.

Ветер волной пробежал по осоке.

– Передерни затвор! – попросил Лесик напарницу.

Анечка схватила оружейный металл тонкими пальцами и рванула грубую засечку затвора. Третья очередь ударила из-за ящиков, распоров воздух невидимыми свинцовыми брызгами. Лесик выхватил пистолет из рук девушки и выстрелил в направлении только что угасших вспышек. Грохот выстрела разнесся далеко по округе, от металлического контейнера отлетел блеклый сноп искр.

– Не стреляй, там же Ирина! – глядя на экран локатора, вскрикнула Анечка.

Из-за контейнеров снова шарахнули очередью, Лесик ответил двумя выстрелами, и пули насквозь прошли большой деревянный ящик. Сразу все стихло, только эхо еще звонко шлепало о стены дальних домов. Ветер окончательно замер.

– Что с маячком? – быстро бледнея, спросил парень.

– Метка не движется, – напряженно ответила Анечка.

– Лежи! – приказал Лесик и осторожно встал, держа пистолет на уровне глаз.

Он двигался чуть боком, его левая рука висела безжизненной плетью, со скрюченных пальцев капали частые капельки крови.

Девушка дотянулась до валявшегося прибора и, не вставая, надвинула на глаза окуляры. Мир сразу изменился, превратив привычную реальность в серую и плоскую матрицу. Зато другая действительность, до этой секунды невидимая, предстала взгляду во всем своем жутковатом великолепии.

Среди осоки медленно двигались ленивые природные духи, узкие, изгибистые, какие встречаются только на берегах Балтийского моря. Они шевелились, словно метелки осоки – можно было подумать, что прибрежный ветер имеет над ними необъяснимую власть. Это были безвредные духи, как и муаровые пленки, кружившие в воздухе невесомыми паутинками. Обычный фон, питающийся человеческими эмоциями. На одном из ящиков ярким пламенем полыхала вырезанная пентаграмма – кто-то от нечего делать баловался складным ножом. Рядом с ящиком духов не было. За полгода работы Анечка немного привыкла к эфирному фону, только не любила смотреть через детектор на кладбище.

Лесик оказался прав – там, за контейнерами, действительно что-то ярко светилось, но разобрать, что именно, отсюда не получалось. Фоторецептор настойчиво выдавал уровень «Ка», стрелка замерла на четырех баллах. Сам Лесик с поднятым пистолетом был уже метрах в тридцати от кромки обрыва, когда Анечка заметила сначала едва заметное дрожание светящегося пятна, а затем четкий рывок, будто кто-то невидимый за ящиками резко махнул фонарем.

– Лесик!!! – изо всех сил закричала она, но было поздно.

Огненный веер очереди ударил парня в упор. Выбитый из руки пистолет отлетел метра на четыре, а капли живой крови, прекрасно видимые через детектор, разлетелись во все стороны пылающими рубинами. Стрелка фоторецептора дрогнула, отследив объект на границе физического пространства.

Лесик сном рухнул в траву, не попавшие в цель пули отлетели от ближайшего трактора визжащими рикошетами. Анечка вжалась в пыль и нервно пробежала пальцами по кнопкам сотового телефона. Уши заложило от выстрелов, но неистовый рев форсированного двигателя «Нивы» перекрыл гуляющий в голове шум – это Деня несся на помощь, до предела вдавливая педаль газа.

Эфирное свечение за ящиком опустилось ниже и медленно, короткими рывками стало удаляться к обрыву. Телефон сонно тянул длинные гудки. Рев двигателя приблизился, где-то на обочине Шкиперского протока сработала автомобильная сигнализация.

– Деня... – из глаз Анечки катились крупные слезы. – Скорее, пожалуйста...

Судя по звуку, «Нива» проскочила металлический мост.

Свечение стало удаляться быстрее, и Анечка поняла, что, пока Деня доедет, преступник соскочит с обрыва и уйдет вдоль берега. Подумав секунды три, она бросилась за ящики, не снимая с лица эфирный детектор.

Лесик не двигался, раскинув руки в траве.

Она чуть не упала, на бегу схватив валявшийся пистолет, – предательская влага заставляла босые ноги скользить по траве. Теперь и обычным взглядом можно было увидеть удаляющуюся мужскую фигуру, но поднимать маску детектора не было времени. Прицелиться на бегу тоже не вышло, пришлось упасть на колени, чтобы мушка пистолета перестала плясать как безумная.

Через окуляры детектора целиться ей еще не приходилось, но Анечка выдохнула, как учила Ирина, и дважды выдавила тугой спуск. Пистолет рвануло вверх и чуть наискось, ладони обожгло шершавостью рукояти. Рубины живой человеческой крови вновь брызнули огненной россыпью, яркое пятно отлетело в сторону и светлячком замерло в прибрежной траве. Стрелка рецептора дернулась и замерла в положении «Ка-4». Но фигура беглеца лишь пошатнулась, удаляясь зигзагами.

Позади Анечки коротко скрипнули тормоза, грохнула колесами слетевшая с асфальта «Нива». Хлопнула автомобильная дверца.

Успел. Какой же умница этот Деня!

– Аня, ложись! – услышала девушка Денин голос и прыгнула в мягкий ковер травы.

По губе остро скользнул листочек осоки.

Грохотнула очередь из «АКСУ», и высокие стебли срезало как косой. Через пробитые пулями коридоры стало видно отражение неба в заливе. Впереди раздался сдавленный крик, и Деня добавил к длинной очереди еще две коротких. Звонкое эхо попрыгало среди серых переулков и стихло, устав биться о стены.

– Не стреляй! Там, наверное, Ирина! – крикнула девушка, поднимая голову. – А этого ты срезал, вон валяется. Помоги Лесику!

Она вскочила, сбежала по насыпи с обрыва и шагнула к светящемуся пятну. Ее лицо вымокло от росы, на подбородке виднелось темное пятно грязи.

Ирина в черном кожаном комбинезоне лежала в прибрежной болотистой жиже. Только она сейчас не должна была так лежать, она должна была петь на сцене. Пусть даже в грязном наркоманском клубе, но это все же лучше, чем лежать так.

Анечка присела рядом с подругой на корточки и громко, навзрыд заплакала, бессильно стянув с лица маску эфирного детектора. Позади зашуршал травой Деня – из опущенного ствола автомата все еще вился остывающий пороховой дым. Серебристый запах сгоревшего пороха смешался с ласковым ветром залива.

– Лесик уже не дышит, – уныло сказал Деня, повесив автомат на плечо. – Он весь в дырках. А кровищи сколько... Меня аж повело от такого количества. Звони на базу, я пока Ирину осматрю.

Он поправил ремень автомата и склонился над не подававшей признаков жизни девушкой.

Анечка уже без детектора глянула туда, где светилось пятно. В мелкой воде на сетке позеленевших корней, рядом со скрюченным телом убитого лежала самая обыкновенная блок-флейта. Девушка подняла ее и удивленно рассмотрела покрытую лаком поверхность.

– Дай-ка... – протянул руку Деня.

Он придиричиво оглядел инструмент, царапнул лак ногтем, даже понюхал для верности.

– Самая обыкновенная, – пожал плечами музыкант. – Фабричного производства. Звони на базу!

Анечка вновь начала набирать телефон.

– Эта флейта в детекторе светится, – бесцветным голосом сказала она.

– Брось в машину, потом разберемся. С Ириной ничего страшного – судя по зрачкам, наркотический ступор. Осмотри этого гада подстреленного, а я ее до машины донесу. – Он сделал паузу, наконец поняв, насколько перепугана Анечка. – У тебя кровь на губах, – заботливо сказал он.

– Осокой порезалась... – Прислушиваясь к длинным гудкам, девушка коснулась губы.

– Да, алло! – раздался в трубке сонный мужской голос.

– Иван Сергеевич, это Аня Астахова, – сказала Анечка. – У нас ЧП. Алексей погиб в перестрелке с неизвестным преступником, Ирина без сознания. Кажется, ей что-то вкололи. Преступника Денис застрелил, на месте стычки найден предмет, оставляющий следовое пятно в эфирном детекторе. Класс «Ка-4».

– Черт... Срочно на базу! Тела уничтожить из распылителя. Что с подопечным Дениса?

Анечка всхлипнула и протянула трубку товарищу.

– Про Гогу спрашивает, – предупредила она.

– Алло... – хмуро ответил Деня. – Он умер, Иван Сергеевич. Да. Прямо в клубе. Только наши убежали искать Ирину, он ни с того ни с сего прыгнул с лестничной площадки второго этажа. Голова вдребезги. Да, едем.

Он вернул телефон и легко, словно пушинку, понес Ирину к машине.

Анечка хотела обшарить карманы убитого, но их не оказалось ни на брюках, ни на рубашке. Рядом с телом лежали израильский «узи» и куча стрелянных гильз.

– Захвати распылитель! – крикнула она Денису.

Вкус крови быстро возвращал ей способность здраво оценивать обстановку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анечка сидела перед компьютером и вяло размешивала третью порцию растворимого кофе. Хорошо, что в крохотном кабинете не было окон, иначе яркое дневное солнце окончательно выбило бы ее из колеи.

На экране компьютера уже минут десять ничего не менялось – отчет о проваленной операции был дописан едва до половины, точнее, до того места, где они с Лесиком выскочили на Шкиперский проток. Дальше дело не двигалось.

Постоянно вспоминалось, как упал Лесик и как эктоплазменная кислота растворяла тела. Жутко хотелось спать, мысли путались, события никак не хотели укладываться в стройную схему. И главное – никаких зацепок! Хоть плачь...

Подопечный Дениса лежал в холодильнике морга, и к нему не было доступа, несмотря на милицейские связи Его Превосходительства. Лесик погиб. А в кабинете командира ожидала отправки в Штаб самая обыкновенная флейта, почему-то оставляющая световое пятно в эфирном детекторе.

Единственный человек, который мог бы прояснить хоть что-то, – Ирина. Но она все еще спала после сокрушительной дозы неопознанного транквилизатора.

Грустно...

Девушка взяла тонко отточенный карандаш и вытянула из стопки лист бумаги. Пальцы дрогнули, первые штрихи обозначили горизонт.

Так думалось намного легче.

На листе появились робкие волны залива, тонкие нити колышущейся осоки и беззащитная фигурка Лесика с пистолетом в руке.

Странная вещь – судьба. Никогда не знаешь, что и как на нее повлияет.

Анечка вспомнила, как собирала вещи в родном Ишиме, как прощалась с друзьями, которые не советовали ей никуда уезжать. Как сошла с поезда в Питере, как сняла густо заселенную крысами коммуналку. Мечтала поступить в университет, но оказалось, что это просто лишь в мечтах. А в большом мире за пределами Ишима все упиралось в деньги. Она осталась совершенно одна в чужом городе, почти без денег, без друзей, без квартиры...

Конечно, Лесик ее спас. Еще одну зиму на улице она бы точно не пережила. В общем-то она уже умирала. Не потому, что жить было не на что – она мыла посуду в столовых и вагоны на вокзалах, а также собирала бутылки, но она уже не хотела жить. Просто устала от каждодневной войны за право встретить сырой рассвет.

Осень уже хозяйничала на улицах, выметая опавшими листьями последние остатки лета. Анечка сидела на крыше старого дома и провожала заходящее солнце. Было зябко, и ветер не радовал, как бывало в детстве. По щекам катились слезы – ей было о чем поплакать.

Гулкие шаги по железу неожиданно раздались за спиной, и девушка обернулась. Напугать ее уже ничего не могло, она обернулась не в страхе, а с затаенной надеждой. Возле входа на чердак стоял парень, смотрел ей прямо в глаза и прижимал палец к губам. На его плече висел автомат с толстой блестящей насадкой на коротком стволе. Анечка подумала, что это глушитель.

Незнакомец сделал знак рукой, и из-за кирпичной трубы вышла стройная девушка в кожаных брюках и легкой куртке. Лица ее видно не было, его скрывал большой черный шлем с короткими окулярами и витым черным проводом возле уха. У нее в руках тоже был автомат с точно такой же насадкой. Это могли быть менты или невесть кто еще, но ситуацией Анечка все равно не владела, поэтому равнодушно ждала, что будет дальше.

Парень продолжал прижимать палец к губам, а девушка, не снимая маски, вскинула автомат и шарахнула в Анечку короткой очередью. Но вместо того, чтоб умереть, Анечка поняла, что на стволах были не глушители – слишком уж громко ударил звук. А вот пули прошли через тело мягко, разрывая не плоть, а что-то в душе, вызывая страх, панику и черное, как смола, отчаяние.

Анечка пришла в себя на той же крыше, лежа лицом вниз и ощущая сталь наручников на запястьях.

– Ты кто? – спокойно спросил парень, прижимая ее стволом автомата к крыше.

Анечка промолчала. Менты так точно не работают, а кому попало выкладывать свою биографию она не собиралась.

– Оглохла? – сказал парень.

Он попробовал поднять девушку за воротник куртки, но та уловила момент и укусила его за руку.

– Вот бестия... – фыркнул парень, потирая запястье. – Откуда ты такая взялась? Кошка драная.

Девушка за его спиной прыснула и сняла жутковатую маску.

– Сам ты драный, – заявила Анечка.

Незнакомка присела на корточки и порылась в кармане куртки.

– Будем колоть амнезин? – спросила она. – Или пошла она на фиг, препарат на нее тратить? Десантника с ее спины я сняла, так что контактных можно не выявлять. Поехали, Лесик, а то сейчас на стрельбу начнет серое воронье слетаться.

– Подожди. – Лесик задумался. – Эта дикая кошка с крыши явно ничейная. А у нас двух единиц в ячейке не хватает. Давай ее свозим к Его Превосходительству. Жалко, сдохнет ведь зимой.

– Ты бабник, – усмехнулась девушка и пристально посмотрела Анечке в глаза.

В голове возникло ощущение, будто кто-то копается в мозгах закопченной кочергой. Затошнило, но Анечка взяла себя в руки.

– Н-да... – Незнакомка встала и подошла ближе. – В ней что-то есть. Не пойму, что именно, но что-то есть. Поехали, девочка. Пойдем, пойдем.

Анечка не собиралась никуда идти, но ноги подняли ее и понесли сами, будто кто-то чужой сидел в голове и дергал за ниточки.

А через месяц осень окончательно вступила в свои права.

Анечка стояла в малом кабинете Его Превосходительства и, словно школьница на экзамене, с невероятным стеснением выговаривала слова странной Присяги:

«Я, гражданка России, вступая в ряды сотрудников Института прикладной экзотики, торжественно клянусь быть хитрым, осторожным, умным и предприимчивым агентом, строго хранить государственную тайну, соблюдать законодательство Российской Федерации в частях, не противоречащих уставу Института, беспрекословно выполнять устав Института и приказы штабного и непосредственного начальства.

Я всегда готова по приказу Института выступить против любого врага российского народа, явного и неявного, видимого и невидимого, материального и нематериального, и, как агент Института, клянусь защищать российский народ мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови, самой жизни и души для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Института – всеобщая ненависть и презрение моих товарищей».

В этот день Лесик подарил ей очень старое зеркальце с литой бронзовой ручкой, почти не годное – серебристый слой под стеклом сильно облез.

– Ну... – За напускным равнодушием тона было трудно понять, что он чувствует. – Это, типа, на счастье. Купил у сумасшедшей старухи на блошином рынке.

– Спасибо. – Анечка здорово удивилась, но подарок взяла.

– Это не просто так, – все же пояснил Лесик. – В него можно увидеть почти все, что берет стандартный эфирный детектор. Кроме обычного фона. Ну, начиная со структур класса «Би». Я хотел переслать его в Москву на экспертизу, но Иван Сергеевич сказал, что ни к чему... Ну, простая игрушка. Мощность слишком мала. Видать, сделал какой-то доморощенный умелец из обычного зеркала, да еще по инструкции какого-нибудь древнего алхимика. Похоже, он ничего не слышал ни об анизотропии пространства, ни об СВЧ-подсветке. Я забрал, а то лежало бы на складе тысячу лет. Тебе пригодится.

– Зачем? – еще больше удивилась девушка. – Если в него почти ничего не видать?

– Чтоб не забывала, в каком мире живешь. Теперь тебе это постоянно придется помнить.

А через пару дней началась обычная работа. Ячейка Ивана Сергеевича состояла тогда из трех человек – сам Его Превосходительство, Ирина и Лесик. Анечка стала четвертой. Позже к ним присоединился Денис. В общем-то, он и был ее первым заданием.

Все три самоубийства, которые Его Превосходительство поручил тогда расследовать Анечке, имели едва заметную точку соприкосновения. Все три жертвы были художниками. Очень разными – от преуспевающего владельца собственной галереи до полунического рисовальщика. Таких самоубийств происходит десятки, но Его Превосходительство недаром имел славу замечательного оперативника – у него был нюх, интуиция. Он умел нутром чувствовать Прорыв и поднаторел в этом деле настолько, что выявлял его по мельчайшим, непонятным для остальных деталям.

Анечка пробовала учиться, пыталась понять, что же именно навело его на мысль о попытке Прорыва, но не могла. Точнее, у нее возникло ощущение, что Его Превосходительство просто перестраховывается, выискивая признаки Прорыва в каждом странном случае на подотчетной территории. И возможно, он был прав. Даже скорее всего был прав, поскольку перестраховка была его прямой и важнейшей обязанностью. Долгом.

К тому же он редко, очень редко ошибался. Хотя иногда начинал дело лишь по одному, косвенному признаку, например, из-за избытка адреналина, обнаруженного в трупе при вскрытии. Но даже по таким мелочам, которым и естественных объяснений масса, он выявлял и уничтожал силами ячейки от двух до пяти десантников за полгода. Это в среднем. Но по ячейке ходили легенды о том, как Ирина за один день уничтожила полтора десятка этих тварей, в упор расстреляв из пулемета заседание Свидетелей Иеговы.

Поскольку в деле художников столкновений с десанниками не предполагалось, Иван Сергеевич решил поручить это расследование именно Анечке. По его мнению, именно девушка могла справиться с этим делом наилучшим образом, а Ирина в то время была слишком занята – вела дело о сумасшедшем водителе.

Анечка ей завидовала – водитель по результатам психотестирования оказался вовсе не сумасшедшим, но даже под глубоким гипнозом выдавал одну и ту же версию случившегося. Уставший, сонный, замученный, он был уверен, что находится в засекреченном отделе ФСБ, замаскированном под авторемонтную мастерскую. И с монотонной уверенностью писал одно объяснение за другим. Смысл каждого заключался в том, что он, Бондарев Александр Семенович, подвержен нападениям Сатаны и пытался уничтожить врага рода человеческого путем наезда собственным автомобилем.

Наезд не удался – вместо Сатаны был уничтожен киоск «Роспечати», повреждено три автомобиля и разбита огромная магазинная витрина на Невском. Но конечной целью героического выезда Александра Бондарева оказалась не она, а психушка, в которую ему пришлось отправиться после двух ночей, проведенных в милиции. Только оттуда, причем с неве-

роятным трудом, Его Превосходительство смог вытащить совершенно обалдевшее, грязное и избитое орудие борьбы со злом.

И вот, пока это самое орудие выдавало «словесный портрет Искусителя», Анечка вынуждена была ехать на Васильевский остров и, словно воровка, тайком проникать в то, что нищий художник называл когда-то своим жильем. На самом деле это был кое-как оборудованный для жизни чердак без каких-либо удобств, но с явными признаками художественной мастерской.

Работа предполагалась рутинная, и Анечку утешало лишь то, что ей, как любому агенту Института, был положен на задании настоящий пистолет Макарова. Сейчас он висел в поясной кобуре под полой старенького пальто, придавая непривычную значимость происходящему.

На чердаке было много картин, столько она еще никогда не видела. Старые, уже высохшие полотна изображали мосты, город и виды залива, но новые холсты, пахнувшие свежей масляной краской, создавали ощущение быстро накатывающегося безумия. Серые тени на почти таких же серых стенах, ветви деревьев, сплетенные в жутком экстазе, капающая через закрытую дверь кровь. Одно и то же лицо в отражении стекол. Одна из картинок особенно удивила Анечку – на ней худощавый мужчина в коротком сером пальто стоял на набережной Невы, а над его головой корчилась бледная медуза. Вернее, голова человека являлась телом медузы, а двенадцать длинных щупалец извивались вокруг нее. На другой картине был нарисован трамвай без номера, совершенно черного цвета, нарисованный так, будто он вот-вот задавит рассматривающего картину. Но не трамвай поразил Анечку, а мечущиеся вокруг духи. Тонкие, изгибистые духи Васильевского острова – точно такие же, как в окулярах эфирного детектора. Анечке и в голову не могло прийти, что кто-то способен видеть их без специального оборудования.

Она беспокойно оглянулась. Рядом с картиной стояло большое зеркало в деревянной раме, тщательно замотанное серым холстом. Анечка отдернула старую мешковину, и тут же в комнатку хлынула столь мощная волна ужаса, что пришлось зажмуриться. Это было похоже на ужас смерти, когда отвратить ее уже невозможно.

Волна схлынула так же неожиданно, как и возникла, оставив в теле неприятный озноб. Открыв глаза, девушка успела разглядеть в зеркале не только собственное отражение, но и неясную тень, мелькнувшую за спиной. Новый приступ ужаса заставил ее выхватить пистолет, хотя уже в следующий миг это показалось ей глупым. В комнате никого не было, чужие глаза смотрели только с полотен картин.

Анечка сунула пистолет в кобуру и попробовала поискать что-нибудь похожее на дневники – самые важные для нее улики, но не нашла. То возникающее, то отпускающее ощущение чужого присутствия мешало работать. В конце концов Анечка не выдержала и снова накрыла зеркало мешковиной. Затем вынула из сумочки блокнот, торопливо сделала наброски «жилища» и поспешила покинуть это страшноватое место.

Уже в подъезде вновь возникло ощущение чужого присутствия, пробежало по спине волной холода. Лесик говорил, что подобное ощущение вызывается у людей близким присутствием значительного объема псевдомассы. Бесплотной тварью, попросту говоря. Эдакий инстинктивный, вбитый в подсознание страх.

Анечка прижалась спиной к стене, понимая, что это глупо, когда речь идет о бесплотном противнике, вынула «ПМ», сняла его с предохранителя и передернула затвор. Затем вынула из сумочки и укрепила на спусковой скобе лептонный преобразователь – короткую стальную штангу с толстой трубкой, примыкающей к срезу ствола. При выстреле насадка превращала пулю в кусок псевдомассы, в клочья рвущий любые лептонные объекты, начиная от человеческой ауры и заканчивая природными духами.

Без эфирного детектора она понятия не имела, куда стрелять, рука с пистолетом дрожала. Анечка потихоньку, боком, ступенька за ступенькой, начала спускаться по лестнице. И вдруг вспомнила про подарок Лесика.

Она сунула руку в раскрытую сумочку, и зеркальце вяло блеснуло, отразив стены подъезда. В него действительно было видно не много, только самые плотные нематериальные структуры – вялый разборщик под потолком, ждущий очередного скандала между соседями, и оголодавшая за осень родовая кошатница, спиралью свернувшаяся в углу.

Ничего опасного. Анечка спрятала пистолет и быстро спустилась к выходу из подъезда. Она с облегчением толкнула тяжелую дверь на улицу, но невнятное ощущение тревоги все равно оставалось. Быстро темнело. Девушка торопливо прошла вдоль Седьмой линии, не выпуская из рук зеркальце и ощущая пистолет на ремне.

Но все прошло без каких-либо приключений, и, вернувшись на базу, Анечка написала подробный отчет с приложением схемы чердака. Отдельно упомянула закрытое мешковиной зеркало и духов, нарисованных явно с натуры.

Через час выяснилось, что с Бондаревым Его Превосходительство прокололся – никаких признаков вселившегося десантника у шофера обнаружено не было, поэтому вечером он отправил Анечку и Лесика избавиться от ненужного свидетеля. Лесик объяснил Бондареву, что его повезут в Самый Главный Штаб, усадил на заднее сиденье «Нивы», а Анечка села спереди, чтоб в случае чего блокировать выход. Ее бесило, что никто даже не попытался разобраться в причинах такого внезапного приступа безумия, но она, как самая молодая, правом голоса не обладала.

Они отвезли Бондарева в лес и под угрозой пистолета вывели из машины.

– Ребята, вы чего? – перепугался он. – Нет, ну подождите!

Лесик пинком отогнал его подальше в заросли, достал шприц-тюбик с амнезином и вколол ему в ляжку.

– Что это? – испуганно взвизгнул Бондарев и попытался бежать, но Лесик ловко подставил ему ногу, и шофер кубарем покатился в сырую после дождя траву. Подергался и замер, закатив расплывшиеся зрачки под самые веки.

Анечка хмуро ждала, присев на бампер машины. Лесик перевернул Бондарева на спину и проверил дыхание.

– Пульс посчитай, – попросил он девушку.

Та подошла и положила пальцы на сонную артерию лежащего. Глянула на часы.

– Сто сорок, – сказала она. – Норма. Шока уже не будет.

– Зашибись. – Лесик оттянул веко Бондарева и посмотрел зрачки. – Ага. Можно внушать. Алло, человек! Ты меня слышишь?

Бондарев вяло шевельнул губами, выказывая установление раппорта.

– Тогда слушай меня очень внимательно. Ты врезался на машине в «шестисотый» «мерс», но денег расплатиться у тебя не было, поэтому владельцы «мерса» вывезли тебя в лес, попинали немного и бросили. Уяснил?

Губы шофера снова вяло дернулись.

– Ну и замечательно, – заключил Лесик. – Поехали, а то я жрать хочу до изнеможения.

– Лесик, а в чем, по-твоему, смысл Прорыва? – решила спросить Анечка.

– Что значит – смысл? – удивился Лесик. – Прорыв – это стихийное экзотическое явление.

– Ты уверен?

– Мне наплевать, – признался Лесик. – Хорошая работа, не скучная. Хорошая зарплата. Зачем оно тебе?

– Я хочу знать, – упрямо сказала она, – чем отличается десантник от других тварей? Тебе не кажется, что у них есть какая-то цель? Неужели ты не чувствуешь?

– А... Понятно. – Лесик усмехнулся и, ежась от холода, направился к машине. – Поначалу меня тоже распирало. Ну, типа что в тонком мире тоже есть разум. Эдакий научно обоснованный аналог Сатаны. Всех распирает на эту тему, поверь мне. Но на самом деле наша служба очень похожа на службу отстрела бездомных собак. Все тонкие твари совершенно безмозглые, они куда ближе к растениям, чем к животным. Мы с тобой – служба прополки города от вредных растений. Так что не грузись.

Анечка села в машину следом за ним.

– Клиент не замерзнет?

– Не успеет, – отмахнулся Лесик. – Минут через десять уже будет стоять на ногах и орать: «Люди!!!» Деньги у него есть, так что поймают тачку.

– Но почему в живых людей вселяются только десантники?

– Такое свойство. – Лесик пожал плечами и запустил двигатель. – Почему тебя не удивляет, что соня, например, присасывается к человеку во сне?

– Она просто ест эмоции кошмаров, – мотнула головой Анечка. – Она же не влезает в тело, не управляет сознанием! Даже вампирий захребетник не управляет сознанием, он просто меняет лептонное тело.

– А десантник управляет. Что с того? – Лесик включил передачу и вывел машину на трассу. – Просто разные твари. Курица клюет зерно, а тигр раздирает оленя на части. Десантник и захребетник – это хищники тонкого мира. Встретишь – убей. Вот и вся инструкция.

Он надавил на газ, и машина рванула к городу.

Его Превосходительство похвалил Анечку за отчет об осмотре жилища художника и велел отдыхать, поскольку питерский региональный Штаб ни с чем подобным до сих пор не сталкивался, а потому, прежде чем планировать дальнейшие действия, нужно было сообщить о происшедшем в Москву.

Задание Анечка получила только на следующий день, в десять часов утра. Его Превосходительство вызвал ее в «верхний кабинет» и усадил за стол напротив себя.

– Молодец. – Он одобрительно постучал по столу гелевой ручкой. – Внимательность является отличительной чертой перспективного агента.

Так он хвалил. Не человек – машина.

Он отложил ручку и глянул Анечке в глаза. Этот взгляд она переносила с трудом – странный, тяжелый, будто из-под маски. Лесик говорил, что такой у всех бывших кагэбэшников. Его Превосходительство потянулся к коробке «Беломора».

– Значит, на картине нарисованы духи?

Девушка кивнула.

– Духи... А какие именно, ты обратила внимание? – Его Превосходительство понюхал папиросу, неторопливо размял ее толстыми пальцами и достал зажигалку.

– Фоновые. В основном природные листоруки и два собачьих наездника. Но собак рядом нарисовано не было. И вообще духи метались возле трамвая, как сборище сумасшедших. Так не бывает.

– Ну и что? – Его Превосходительство прикурил и снова взял ручку. – Много в этом деле выглядит странным. Но попытка Прорыва налицо. Когда размотаем, будет тебе первая премия.

Он перекатил ручку по глади стола, и Анечка невольно задержала на ней взгляд.

– Если попытка Прорыва заканчивается смертью жертвы, надо искать контактных, – процитировал Иван Сергеевич инструкцию. – Свободно охотящийся десантник всегда выбирает жертву из близкого окружения предыдущей.

– Поэтому все три жертвы были художниками? – уточнила девушка.

– Да. Скорее всего. – Начальник задумался. – Может быть, раньше мы просто не замечали чего-то? Может, никто до тебя просто не обращал внимания на рисунки жертв? Мы ведь привыкли основываться на дневниковых записях, которые почти всегда ведут жертвы Прорыва. А тут вместо дневника картины. В конце концов он художник, а не писатель. Нормально, нормально. Если отвлекаться на мелочи, это может завести очень далеко от премии.

Иван Сергеевич задумался и зачем-то переложил папку с одного края стола на другой. Анечка поняла, что можно вставить словечко.

– Вы обратили внимание на закрытое холстиной зеркало в моем отчете?

Его Превосходительство посмотрел на нее удивленно и, пустив к потолку сизое облако дыма, задумался. Анечка принялась. То ли одеколон был у шефа пахучий, то ли «Беломор» особенный. При каждой затяжке табак громко потрескивал, разгораясь ярким угольком.

– И что? – спросил он через некоторое время. – Я заметил, что ты акцентировала на нем внимание, но не понял зачем.

– Я просто хотела узнать, вы уже сталкивались с подобным или я нашла что-то новое? – спросила Анечка равнодушно.

Она даже в окошко посмотрела, чтобы показать, что не придает своему вопросу большого значения. За окном накрапывал дождь и, сутулясь, сновали прохожие.

– Нет. А что? Сумасшедший может вытворить и не такое. Не думаю, что это представляет для нас практический интерес. У художников неустойчивая психика. – Он подозрительно глянул на девушку. – Подожди-ка... Может, ты открывала зеркало и заметила в отражении что-нибудь необычное?

– Нет, – соврала Анечка, сама не зная зачем. – Я его побоялась открыть.

– Ладно. Но могу поделиться опытом, чтоб ты больше не занималась бесполезными изысканиями. Запомни: зеркала никаким образом не связаны с тонким миром. Это не вписывается в рамки теоретической экзотической физики. Антинаучно это. У нас работа и так на грани поповских сказок, так что не пристало агенту Института до них скатываться.

Девушка подумала, что сейчас он начнет расписывать свое боевое прошлое.

– Ваше поколение, – оправдал он ее ожидания, – насмотрелось ужасиков и начиталось мистики. Модная сейчас вера в бога тоже с толку сбивает. Вот вы и начинаете везде высматривать происки Сатаны и промысел божий. Для вас тонкий мир становится доказательством чуда, чем-то экстраординарным. А мы в семидесятые годы верили в одно – в науку. И радовались, что ученые наконец-то создали прибор, в который можно рассмотреть лептонные структуры. И когда оказалось, что эти структуры формируются в псевдомассивные живые существа, влияющие на психику и здоровье людей, многие офицеры госбезопасности записались добровольцами в новый сверхсекретный отдел. Мы чувствовали себя не попами, как вы, а космонавтами в новом пространстве, открытом людьми. В отчетах тонкий мир назывался тогда «экзотически наблюдаемым пространством», а бесплотные твари «лептонными формами», и у нас не возникало дурных мыслей, как у вас, завербованных агентов. Мы открыли новый фронт и вели войну, незримую для большинства людей. Мы были героями, это был наш основной стимул. А вы пытаетесь стать попами и бить чертей в экзотически наблюдаемом пространстве. Нет там чертей! Так что давай договоримся – работа одно, а бабушкины сказки, гадания и прочая чушь – совершенно другое. Можешь даже в церковь ходить. В свободное от службы время. Но чтоб на твоих отчетах это не отражалось никак. Я тебе говорил, что внимательность – черта перспективного агента? – Его Превосходительство придавил бычок в пепельнице.

Анечка кивнула.

– Тогда добавлю еще: воображение – черта бесперспективного агента.

Это Анечку не удивило. Отсутствие воображения у командира давно уже стало легендой. Рассказывали даже, что в семидесятых годах, впервые надев эфирный детектор, он воскликнул: «Что это за мочалки тут болтаются?»

Его Превосходительство вынул из кармана и дважды провернул в замке стола маленький бронзовый ключик. Достал небольшую стопку бумаг и аккуратно выложил перед собой.

Все в ячейке знали, что через окуляры эфирного детектора ключик выглядит намного сложнее, светится пятью цветами, а главное – порождает у скважины закрытого замка искусственно созданное эфирное существо, состоящее преимущественно из зубов и засыпающее только от команды Его Превосходительства.

Однажды, после дела Штерна, неизвестные злоумышленники попытались взломать стол, но милицию члены ячейки тогда вызывать не стали, поскольку слишком многое пришлось бы объяснять, а задерживать все равно было некого. Легче оказалось собрать по комнате клочья двоих грабителей и обработать их эктоплазменной кислотой до полного растворения. Что и было проделано злущим и непрерывно ругавшимся Лесиком.

Ключик исчез в одном из пиджачных карманов Его Превосходительства, и Анечка приготовилась слушать дальше. Иван Сергеевич любил выдавать задания по сложной, одному ему понятной логической схеме.

– Значит, с твоими фантазиями мы решили. Вернемся к работе. – Он отложил первый лист из стопки и уперся взглядом в следующий. – Лесик нашел парнишку, плотно контактировавшего с одним из художников. Это музыкант. Тусовщик, как вы сейчас говорите. У них с художником было что-то вроде дружбы, как рассказала нам соседка. Парня зовут Денисом. Денис Ручкой. Похоже, что они с художниками баловались оккультизмом – свечи там всякие, зеркала.

При слове «зеркала» Анечка внутренне вздрогнула, но не подала виду.

– И что я должна сделать?

– Войти в контакт с этим Денисом, установить с ним доверительные отношения и как можно больше времени проводить с ним. Основная задача – выявить и уничтожить пытающегося вселиться в него десантника. Желательно до вселения.

– Я сама? – удивилась Анечка. – Я же не работала с живыми десанниками!

– Когда-то все бывает впервые, – безразлично пожал плечами Его Превосходительство. – Запомни главное. Перед вселением десантник либо сводит человека с ума, либо пользуется отключением лептонной защиты во время сильной депрессии, как это было с тобой на крыше старого дома. Есть еще один основной признак, по которому можно вычислить близость момента Прорыва: сильное наркотическое опьянение жертвы. Видимо, излучение здорового мозга как-то препятствует вселению, и десантник находит момент, когда мозг отключает защиту. Следи за реакциями подопечного, держи наготове оружие и эфирный детектор. Внимательно изучи СВЧ-фотографии десантника в разных ракурсах, чтобы не ошибиться. Кроме того, я выдам тебе амнезин. Он стоит недешево, так что обращаться с ним осторожно и применять в крайних случаях.

– Как я войду в контакт с подопечным? – Анечка окончательно взяла себя в руки.

– Ты петть умеешь?

– Ну... – Девушка засмушалась, быстро позабыв про тревогу. – На любительском уровне.

– Лесик описывал твои таланты в более ярких красках. Значит, попробуй для начала устроиться в рок-группу, в которой играет Денис. Ирина говорит, что они давно хотят нанять вокалистку. Сейчас они работают в клубе на углу Шестнадцатой линии и Малого проспекта. Группа называется «Тремор». Прояви свое женское обаяние, и все будет в порядке. – Он помолчал, соображая, не забыл ли чего, и добавил: – Со снаряжением осторожней, пожалуйста, не забывай о режиме секретности и не злоупотребляй амнезином. Все, работай.

– Детектор очень громоздкий, – пожаловалась девушка. – Можно я возьму зеркальце? Десантника в него будет отлично видно.

– Ладно. Разумная инициатива тоже признак хорошего агента. И никаких фантазий! До вечера можешь отдыхать.

Но в этот вечер Анечка попала в клуб совершенно неожиданным образом – Иван Сергеевич объявил боевую тревогу. Анечка узнала об этом уже дома, от Лесика, позвонившего на мобильник. Так что пришлось срочно ловить машину, ехать на Петроградку и участвовать в первой боевой операции.

Она попросила таксиста остановить, не доезжая до ворот мастерской. Так требовала инструкция. Когда машина отъехала, Анечка набрала код на воротах, проскользнула в открывшуюся щель и через двор побежала к ремонтному боксу.

Бокс был открыт. Она по лестенке спустилась в яму и приложила ладонь к глухой стене. Взвизгнул лептонный замок, превращая часть стены в псевдомассу, и прямо перед лицом девушки открылся светящийся полупрозрачный проем. Тело обволокло жарким потоком воздуха.

Анечка шагнула в призрачное сияние, и тут же за спиной снова визгнуло – фрагмент стены вернулся в физическую реальность. Тут же пахнуло ледяным холодом, как всегда при материализации лептонных структур.

Девушка пробежала по коридору мимо жилых помещений, кабинетов, тира и туалета, добралась до самого конца и снова уперлась в глухую стену. Но это был лишь кажущийся тупик. Там, за стеной, находился штаб базы: оружейка, склад, кабинет Его Превосходительства, а главное – комната связи с региональным Штабом. Эта стена отпиралась только по команде командира ячейки.

Анечка приложила руку к шершавому камню – обязательная идентификация, иначе изнутри не откроют. Через пару секунд лептонный замок подал голос, открыв широкий и довольно высокий проем.

– Давай скорее! – раздался голос Его Превосходительства.

Она шагнула внутрь и увидела в помещении ячейку в полном составе.

– Привет! – махнула рукой Ирина.

– Привет, – поздоровалась Анечка, не зная, что делать дальше.

Приготовления шли полным ходом. На длинном столе валялась груда оружия и снаряжения, начиная от пистолетов и заканчивая ранцевым распылителем. Ирина, сидя на стуле, подстраивала прицел снайперской винтовки.

– Срочная депеша из Штаба. – Его Превосходительство наконец решил ввести Анечку в курс дела. – В клубе на Шестнадцатой линии охотится вампир.

– Повоюем! – усмехнулся Лесик, водрузив на голову эфирный детектор.

– Работать будем в открытую, – добавил Его Превосходительство. – На маскировку нет времени. Ирина с винтовкой занимает позицию на крыше, блокируя служебный вход. Ира, твоя задача – не упустить захребетника и держать его под огнем до полной дезактивации. Эфирный детектор с головы не снимать.

– В этого захребетника еще поди попади, – скривилась Ирина. – Особенно через насадку. Ни рикошетов, ни искр не видать. Хрен разберешь, куда пуля влетела.

– Разговорчики! – прикрикнул Иван Сергеевич. – Как зарплату получать, так первая! Ирина умолкла.

– Алексей и Аня заходят в клуб с центрального входа, – продолжил командир. – Насадки со стволов не снимать ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Лесик и Анечка кивнули.

– Детекторы тоже не снимать.

– Иван Сергеевич, паника же начнется! – недовольно сказал Лесик. – Там же все под наркотой, а тут мы войдем, пучеглазые.

– Переживете. В случае чего отбиваться прикладами и псевдопулями. Я прикрываю главный вход из машины. Вопросы есть?

Вопросов была масса, но все промолчали.

– Вопросов нет, – заключил Его Превосходительство. – Вооружаемся и едем.

Анечка подошла к столу и сняла пальто. Взяла автомат с коротким стволом, проверила магазин и заряд батарей в насадке. Потом нацепила на пояс подсумок с двумя магазинами, повесила автомат на плечо стволом вниз, сняла со спинки стула просторный плащ и надела поверх амуниции.

Лесик уже был готов, в черном плаще он был похож на Зорро из фильма. Не хватало только шляпы и маски, но в клубе ее с успехом заменит эфирный детектор. Ирина надела поверх брюк ватные штаны и короткую куртку на овчине, как у летчиков.

Они взяли шлемы детекторов и встали у выхода, похожие на космонавтов перед стартом, а Иван Сергеевич направился к стене и дематериализовал выход.

– Вперед, – тихо скомандовал он.

Лесик двинулся первым, за ним Анечка с автоматом и Ирина с тяжелой винтовкой.

В спины им пахнуло холодом.

«Нива» уже урчала на холостых оборотах, прогревая двигатель, когда Ирина уложила винтовку в короткий багажник и села вперед – ей выходить первой.

– Пристегните ремни, – усмехнулся Лесик, выдавливая газ.

Машина рванула с места.

Глухая черная ночь то и дело брызгала в стекла дождем, в зеркалах уныло посвистывал ветер.

– Печку включи, – попросил Иван Сергеевич.

Лесик повернул рычажок и щелкнул кнопкой. Загудел вентилятор, в ноги потянуло теплом. Анечка уткнулась лбом в боковое стекло и смотрела, как снаружи строем бегут облысевшие мокрые липы.

Лесик глянул на нее в зеркало заднего вида.

– Чего приуныла? – улыбнулся он. – Выше нос!

Анечка вяло улыбнулась в ответ и поправила автомат под плащом.

Ирина нетерпеливо ерзала, бралась то за подлокотник, то за петельку над дверью. Потом достала из-под куртки винтовочный магазин, вылущила патроны в горсть и принялась тщательно протирать их тряпочкой.

Лесик гнал к Васильевскому острову.

– Менты, – шепнула Ирина и стала набивать магазин.

Анечка глянула в лобовое стекло, заметив у въезда на мост силуэт патрульной машины, а рядом инспектора с поднятым жезлом. Лесик включил указатель поворота и прижался к бордюру. Двигатель заурчал на холостых оборотах, и тут же загудело, опускаясь, водительское стекло. Инспектор не спеша направился к водительской дверце, сунув пластиковый жезл под мышку.

– Здравствуйте, – чуть наклонился он, приложив руку к козырьку кепки. – Инспектор ДПС Чернявский. Документы, пожалуйста.

Ирина пристально посмотрела ему в лицо.

– У нас все в порядке, – отчетливо сказала она. – Отвали и забудь. Быстро.

Инспектор кивнул и послушно махнул жезлом, чтоб проезжали.

Лесик, закрыв окно, погнал машину на мост.

– Почему ты им постоянно грубишь? – с укоризной спросил Его Превосходительство у Ирины.

– Телепатия лучше действует на напряженную психику, – буркнула она, пряча магазин за пазуху.

Дождь припустил сильнее, и Лесик включил «дворники» на полную мощность. Они задержались, словно в такт напряженной музыке. Анечка поправила автоматный ремень на плече и села так, чтобы подсумки не давили в бедро. Машина выскочила на Малый, мокрые трамвайные рельсы в свете фар выглядели раскаленными добела.

Не доезжая квартал до Шестнадцатой линии, Лесик остановился выпустить Ирину.

– Не гори, – сказал ей Иван Сергеевич, прежде чем девушка захлопнула дверцу.

Лесик выбрался на мокрый асфальт и помог достать из багажника снайперскую винтовку. Дождь шел частый, мелкий, холодный, Лесик открыл дверцу, смахнул с плаща воду и уселся за руль.

– У тебя маячок не работает. – Его Превосходительство глянул на экранчик локатора.

– Часы забыл, – признался Лесик и медленно погнал машину ко входу в клуб.

Анечка заметила, как силуэт Ирины растворился в черном проеме двора. Иван Сергеевич хмуро щелкнул браслетом, сняв с себя большие «командирские» часы.

– Возьми мои, – протянул он их через плечо Лесику. – А за разгильдяйство в зарплату недосчитаетесь ста долларов. Без обид.

Лесик взял часы и с нескрываемой злостью надел на левую руку.

– Умеете вы поднять настроение перед работой, – буркнул он.

– Ты бы еще голову на базе забыл, – сказал Его Превосходительство.

– При чем здесь голова? С нашей жизнью надо больше про задницу думать.

– Надевай часы, – строго прошипел командир.

Лесик остановил машину у обшарпанной двери клуба, застегнул браслет, погасил фары и выключил двигатель. Стало слышно, как дождь мелко поклевывает крышу. Сквозь этот влажный шорох глухо пробивалась танцевальная музыка.

– Еще один момент. – Его Превосходительство всегда выдавал важные сведения напоследок, чтобы лучше запомнились. – В клубе работает гитарист Денис Руцкой. Сейчас он на сцене, и Алексей его знает в лицо. Вот чтобы он не пострадал в потасовке. Это последняя зацепка в деле художников, так что, если с ним случится хоть что-то, штрафом в сто долларов не отделаетесь.

– Уволюсь на фиг, – выдохнул Лесик. – За месяц работы от зарплаты остается едва половина. Шкуродер вы, Иван Сергеевич. Нельзя так.

– Только так и можно, а то распуститесь окончательно. Ладно, вперед. И не горите.

Лесик вышел под дождь и помог выбраться Анечке.

Они распахнули дверь в клуб, поднялись по лестнице и надели эфирные детекторы. В них полутьма не мешала – в помещении было столько фоновых тварей, что они создавали дополнительное голубоватое сияние.

– Гадючник, – шепнула Анечка, передернув плечами.

На лестничной площадке между первым и вторым этажами к стене прислонился кайфующий наркоман. Через детектор он выглядел страшно – на плечах у него сидела темно-синяя соня, вылизывая с макушки излучения галлюцинаций, а в груди копошились светящиеся черви, пульсирующие от нервных импульсов. На потолке притаился похожий на паука разборщик, тянущий к наркоману дрожащие ложноножки. По ногам уже поднимались похожие на улинок жильные грызуны.

– Я курить бросил, когда это увидел, – шепнул из-под шлема Лесик. – Оказывается, наркота просто прибывает защиту, а все ощущения, кайф и глюки, создает эта дрянь. Они же и убивают в конце концов.

Анечка молча протиснулась мимо, музыка гулко отражалась от стен.

– Когда все начнется, не забудь скинуть плащ, – предупредил Лесик. – А то с автоматом будет неудобно работать. И приклад разложи, знаешь ведь, какая отдача.

Сполохи лазеров и прожекторов, блики зеркальных шаров ползали по стенам, заставляя мелких лептонных тварей забиваться в темные углы. Анечка первой вошла в зал, но танцующая и визжащая толпа не обратила на ее внешний вид никакого внимания. У многих на плечах подергивались отъевшиеся сони, то и дело падающие с потолка, а за ноги хватались ползающие по полу жилогрызы.

Вампира она увидела сразу – оранжевый захребетник, вросший в позвоночник и мозг, выдавал его в любой давке. Только он был не один – уже успел размножиться. По крайней мере дважды, потому что первый укушенный уже перешел в активное состояние и рыскал по залу в поисках жертвы, а другой комом лежал у стены, срачиваясь с расплотившимся захребетником.

– Всего трое, – прямо в ухо сказал ей Лесик сквозь грохот музыки.

На него наткнулся один из танцующих, пошатнулся и весело заорал:

– О! Космонавтики!

Лесик коротко ударил его в челюсть, чтоб не мешался. Толпа безразлично отхлынула от упавшего.

Белобрысый гитарист на сцене затянул длинное кислотное соло. Тут же от стены рванулся один из охранников, Лесик усмехнулся и скинул плащ. Секьюрити замер, увидев направленный на него автомат.

– Пиф-паф, – улыбнулся Лесик и выжал спуск.

Рев автоматной очереди перекрыл грохот музыки, толпа дрогнула и хлынула к сцене. Музыка смолкла, послышался грохот падающей аппаратуры и перепуганные вопли. Особенно визжали те, кому под одежду попали раскаленные гильзы.

Охранник упал на колени и закрыл руками лицо. Анечка по себе знала, как это неприятно, когда лептонные пули рвут ауру. Она сбросила плащ и передернула затвор автомата.

– От выхода! – скомандовал Лесик.

Очень вовремя – обезумевшая толпа пришла в себя и рванула на лестницу. Все три вампира, пользуясь суматохой, словно волки принялись резать клыками толпу. Анечка полоснула по ним длинной очередью. Через детектор было видно, как алые трассы псевдопуль прошивают людей. Но было поздно – двое укушенных рухнули, пораженные слюнным секретом, а захребетники вампиров выпустили клоны, впившиеся в позвоночники остывающих жертв. Анечка испугалась по-настоящему, ей еще не приходилось видеть процесс размножения этих тварей.

– Огонь! – заорал Лесик. – Держи их под непрерывным огнем!

Она снова нажала на спуск, целя в оранжевое сияние. Два захребетника, прошитые очередями, свернулись в клубки, отвалились и перешли в латентное состояние. Теперь о них можно не думать, пока рядом не появится свежий труп. Носители распластались на полу, став теми, кем и должны были быть – лишенными душ мертвецами. Лесик уже собирался добить остальных, толпа почти вся просочилась на лестницу, но тут вмешался неучтенный фактор. Закон подлости.

Белобрысый гитарист выхватил из-под кожаной куртки длинноствольный «люгер» и принялся палить в автоматчиков.

– Твою мать! – заорал Лесик, прыгая за прожекторную ферму.

Анечка тоже грохнулась на пол и заползла за барную стойку, с ужасом увидев, как Лесик свинчивает со ствола лептонный преобразователь. Музыкант явно остался доволен произведенным эффектом, спрятался за колонку и стал ждать, когда кто-нибудь из автоматчиков высунется.

Трое оставшихся вампиров бросились к запасному выходу, и Анечка полоснула им вслед короткой очередью, срезав одного захребетника возле сцены. Музыкант тут же ответил двумя прицельными выстрелами.

– В него нельзя стрелять! – крикнула она Лесику, меняя автоматный рожок. – Надо отходить, я его пугну псевдопулями!

С улицы раздались три винтовочных выстрела, это Ирина встретила сбежавших вампиров.

– Отлично. Отходим! – скомандовал Лесик и бросился к лестнице.

Музыкант попробовал выстрелить, но Анечка прицелилась и послала из автомата две алых струи псевдопуль. Оказалось достаточно – гитариста скорчило от ужаса.

Она уже собиралась выскочить из укрытия, когда в зал снова ворвался вампир. Видно, одного Ирина все-таки упустила. Но бросаться на автомат он явно не собирался, приняв единственно верное решение в такой ситуации – размножиться. А единственная потенциальная жертва скрючилась за колонкой.

– Стой, тварь! – закричала Анечка, выскакивая из-за стойки.

Но вампир останавливаться не стал, он прыгнул с места, как кошка, и впился гитаристу в шею. Захребетник тут же выпустил клон, впившийся в позвоночник еще дергающейся жертвы.

– Вот же гад... – Девушка подняла автомат на уровень глаз.

Вампир напрягся и бросился прямо на нее, но автоматная очередь свернула захребетника в оранжевый мячик, а тело носителя шлепнулось на пол, как бесполезная груда костей и мяса.

– Лесик! – во весь голос закричала Анечка. – Скорее сюда!

Голова в эфирном детекторе высунулась из-за угла.

– Лесик, посмотри, что случилось! Надо скорее что-то делать!

– Плакала моя зарплата, – сплюнул Лесик и нажал кнопку на сотовом телефоне. – Иван Сергеевич, у нас ЧП.

Новоявленный белобрысый вампир перестал дергаться и непонимающе открыл глаза.

– Спокойно, – предупредила девушка. – Ты мне можешь не верить, но из этого автомата я могу тебя убить. Так что не доверяй появившемуся ощущению неуязвимости.

Гитарист помотал головой и зло посмотрел на Анечку.

– Так эта тварь была настоящим вампиром? – Он недоверчиво скосил глаза на лежащее неподалеку тело.

Она знала, что сейчас у него в голове полная каша – восстанавливается прижизненная память и встраиваются новые инстинкты. Каждый вампир с «рождения» знает, кем он был и кем стал.

– Не заговаривай мне зубы, – нахмурилась девушка. – Прекрасно все знаешь.

Лесик и Иван Сергеевич тоже подошли к сцене, в руках у Его Превосходительства покачивался громоздкий ультрафиолетовый фонарь.

– Необычный фонарик, – вампир подозрительно сощурил глаза.

– Ультрафиолет, – предупредил Иван Сергеевич. – Доступно?

Белобрысый кивнул.

– Значит, так, – продолжил командир. – Сейчас ты встаешь и идешь с нами. Если попробуешь рыпнуться, мы расстреляем тебя обычными пулями, переломая все кости, и ты будешь сращивать их секунд двадцать, не меньше. Автомат – это очень серьезная штука. Если попытаешься кого-нибудь куснуть, эта дама, – он показал на Анечку, – убьет тебя лептонными пулями. Вставай.

Вампир встал. Мышечный гипертонус сделал его выше сантиметра на три – штаны не доставали до носков, открывая белую кожу.

Иван Сергеевич зашел ему за спину и ловко застегнул на запястьях наручники.

– Ты думаешь, это тебя не удержит? – усмехнулся он. – Зря так думаешь, мы люди серьезные. В наручниках ультрафиолетовый лазер, который включится через тридцать минут и располосует тебя, если сбежишь. Сталь тоже крепкая, как раз для вампиров.

– Гады, – беззлобно сказал гитарист.

– Пойдем, пойдем, а то менты уже едут, – Лесик махнул в сторону выхода стволом автомата.

Анечка и Лесик вывели вампира из клуба и уложили в багажник лицом вниз, а Иван Сергеевич на несколько минут задержался, обрабатывая охранников амнезином. Латентных захребетников он прижег ультрафиолетом и тоже спустился к «Ниве». Вскоре из полутьмы подворотни показалась вымокшая до нитки Ирина. Ей пришлось сесть назад вместе с винтовкой – в багажнике для оружия места уже не осталось. Его Превосходительство устроился на переднем сиденье.

– Поехали скорее, – сказал он.

Лесик запустил мотор и погнал машину на базу.

К трем часам ночи Лесик закончил делать клетку для вампира. Как и все помещения на секретном уровне базы, ниша для клетки была вырублена резаком, превращавшим физический грунт в лептонную псевдомассу. Это избавляло от необходимости выносить землю наружу, она просто оставалась на месте, и к тому же в экстренном случае нижний уровень базы можно было легко уничтожить, скрыв все следы. Для этого вырубленные участки просто возвращались в исходное состояние – в плотный физический грунт.

Готовую нишу осталось забрать частоколом стальных труб, загнать внутрь вампира и замуровать выход. По настоянию Анечки в клетку поставили диван. Доводы, что вампиры не спят, на нее не подействовали.

– Это моя вина, – заявила она. – Если бы я не испугалась и выстрелила на две секунды раньше, он был бы нормальным здоровым парнем.

– Не грузись, – посоветовал Лесик. – Бывали операции и похуже.

Он включил на резаке реверс и замуровал выход.

– Сволочи вы все-таки, – хмуро заметил Денис, пробуя диван на мягкость. – Лучше бы пристрелили.

Ирина поставила на пол ручной пулемет и села на стул возле клетки.

– Иван Сергеевич! – позвал Лесик. – Готово дело!

Его Превосходительство вышел из кабинета и тоже сел напротив решетки в заранее принесенное кресло.

– Не вырвется? – с сомнением оглядел он двухдюймовые трубы.

– Пусть попробует, – усмехнулась Ирина, проведя ладонью по стволу пулемета.

Денис сгорбился и уткнулся взглядом в пол под ногами. Свет из коридора не доходил до ступней, оставляя вампира в таинственной полутьме.

– Жрать охота, – заявил он.

– Это будет в девять вечера, если согласишься с нами работать.

– У меня ступор начнется.

– Не начнется. – Его Превосходительству было все равно, кем командовать. – До двух суток без крови любой вампир проживет. Теперь слушай внимательно и постарайся включить мозги. Это единственное, что в тебе осталось от человека.

Он закинул ногу на ногу, подтянул брючину и расслабленно положил ладони на подлокотники. В такие минуты он становился сильнее обычного похож на кагэбэшного офицера.

– Первое. Мы тебя на волю никогда не выпустим. Врать не буду. Убить можем, а вот на волю – никак. – Он пристально глянул Денису в глаза, проверяя, дошло ли до него. – Вто-

рое. У тебя есть два выхода – либо отвечать на все вопросы, которые я задаю, либо Алексей включит резак и материализует тот грунт, который ты сейчас принимаешь за воздух. Сдохнуть ты не сдохнешь, конечно, но единственная кровь, которая тебе после этого светит, – это кровь археолога, который через тысячу лет будет производить здесь раскопки.

– А если я отвечу, что будет потом?

– Умный вопрос. Тогда у тебя будет шанс в активном состоянии прожить дольше археолога, о котором я тебе говорил.

– Не понял. – Денис чуть привстал с дивана.

– Я объясню. Понимаешь ли, юноша, наша организация довольно старая. И хоть с девяносто первого года государственной конторой мы не являемся, но раньше именно ею мы и были, получали приличные дотации на научные исследования в области экзотической физики. Это обширная область. Тебе расшифровать значение слова «экзотическая физика»?

– Спасибо, – презрительно фыркнул Денис, – понятно и так.

– Тогда тебе должно быть понятно, что лептонные структуры, из которых ты сейчас состоишь на девяносто процентов, мы изучили вдоль и поперек. Досконально.

– Это я уже заметил, – скривился вампир. – Мне-то от этого какая радость?

– Утилитарная. Зная анатомию твоего захребетника, мы можем без труда ликвидировать его способность к клонированию и сделать тебя безопасным для общества.

– Зачем, если не собираетесь выпускать?

– Видишь ли... Некоторые из твоих новых способностей, а именно сила, выносливость, ночное зрение и практически бессмертие, очень удобны в оперативной работе. Так что мы можем не ограничиться допросом, а пойти дальше – нанять тебя на службу, как нанимаем каждого агента, начиная с девяносто второго года. Ты получишь ежемесячную зарплату в две тысячи долларов США, а также ежедневный паек донорской крови объемом в двести пятьдесят миллилитров.

– А отпуск? – От открывшихся перспектив у Дениса заблестели глаза.

– Я рад твоему чувству юмора, – усмехнулся Иван Сергеевич. – Так что мы решим?

– Вы и «пушку» законную мне дадите?

– Я же предупредил, – вздохнул Его Превосходительство. – Мы уже не государственная структура. Так получилось, и не наша в этом вина. Пришло новое время, а с ним и новые люди. Кто-то высоко наверху посчитал, что мы занимаемся ерундой, а существование лептонных структур никоим образом не отражается на безопасности государства. И нас расформировали за ненужность. Так что все наши, как ты выражаешься, «пушки» – незаконные.

– Короче, вы бандюки, – заключил Денис.

– Это ты зря. – Иван Сергеевич нахмурил брови. – Контора работает в интересах защиты российских граждан от всяческих тварей вроде тебя, а также в целях сохранения тайны существования экзотической физики, пока не истечет срок действия постановления Пленума. Это и есть задача нашей немногочисленной, но солидной организации, с девяносто второго года работающей на самообеспечение.

– Ну... Интересное предложение. К тому же жрать сильно хочется. И две штуки баксов. Так что скорее всего мы договоримся. Это лучше, чем лежать замурованным тысячу лет.

Иван Сергеевич довольно прищурился.

– С логикой и воображением у тебя полный порядок.

– Э... У меня вопросик еще один. – Вампир встал и подошел к прутьям клетки.

– Назад, – спокойно сказала Ирина и подняла пулемет на колени.

– Извините. – Денис снова сел на диван. – Я хотел узнать, а что будет, если я все же слиняю? Ну, на задании, к примеру?

– Охотно поясню, – Иван Сергеевич расплылся в улыбке. – Когда мы будем делать дезактивацию твоего захребетника, мы вошьем в него маленькую, невидимую и неосязаемую

лептонную бомбочку. А у меня в сейфе за семью печатями будет кнопка красного цвета. Одно нажатие – и захребетник разлетается в клочья, а твое тело без него теперь просто труп.

– Больше вопросов не имею, – вздохнул вампир. – Ваша очередь спрашивать.

Иван Сергеевич встал и подошел к прутьям клетки, щелчком заставив одну из труб зазвенеть. Ирина напряглась с пулеметом в руках.

– Раз мы договорились, беседу можно отложить и на утро, – сказал Его Превосходительство. – У нас был трудный день, поверь. И нам, *людям*, нужно спать. А ты пока подумай, составь планы на будущее. Спокойной ночи.

Он направился в жилой блок.

– Дежурят все по два часа, – напомнил он перед тем, как скрыться за дверью. – И не расслабляйтесь, он еще не деактивирован.

Ирина пересела в кресло, поставив у ног пулемет.

– Пойду отсыпаться, – потянулся Лесик. – Я дежурю следующим, и у меня самое трудное время. С двух до четырех. Он подошел к клетке и поманил вампира пальцем.

– Поди сюда, я тебе один умный вещь скажу. Только ты не обижайся.

– Тебя, кажется, спатки отправили, – буркнул Денис. – Вот и катись, а я буду строить планы на будущее.

Он лег на диван и уперся взглядом в потолок. На его бледном лице тени выделялись отчетливо, как на пересвеченной киноплёнке.

– Зря ты так, – вздохнул Лесик. – Мы же теперь, типа, в одной команде.

– В одной жопе мы, похоже. Говори, что хотел.

– С зарплатой он тебя обманул.

– Вот гадюка! – Вампир повернул голову. – А сколько платят в натуре?

– Две штуки. Вот только за каждое нарушение дисциплины с тебя будут снимать сотню баксов.

– Изверги. – Денис почесал макушку привычным прижизненным движением. – А как тут вообще? Ну... В конторе? По-моему, на ментовку похоже. Только я внутри клетки, а вы снаружи.

Анечка подошла к Лесику и осторожно взяла его за локоть.

– Иди спать, – сказала она. – Тебе меньше двух часов осталось. А я с ним поговорю.

– Лады.

Он помахал девушкам и скрылся за дверью. Анечка подождала немного и присела на корточки возле кресла.

– Давай с тобой тоже махнемся дежурствами, – предложила она Ирине. – Я все равно не усну.

– Ты серьезно? – обрадовалась Ирина. – Давай. Только в обмен на уговор, что ты меня не заложешь. Мне до зарезу надо смотаться на пару часиков в город.

– Ладно, ладно, – улыбнулась Анечка.

Ирина чмокнула ее в щеку и побежала к выходу с секретного уровня. Анечка придвинула кресло ближе к решетке, оставив пулемет у стены, села и внимательно посмотрела на Дениса.

– Я тебе что, телевизор? – беззлобно буркнул он.

Анечка промолчала.

– Ты среди них меньше всего прослужила, – уверенно заявил вампир. – Можно, я диван ближе к клетке подвину? – Он покосился на пулемет.

– Двигай, – кивнула девушка.

Денис подхватил диван, словно тот весил не больше бутылки пива, и поставил у самой решетки. Теперь свет заливал его полностью, не уродуя лицо густыми тенями. Если бы они с Анечкой протянули друг другу руки, то их пальцы соприкоснулись бы.

– Сколько ты с ними? – поинтересовался вампир.

– Третий месяц. Ты меня прости, пожалуйста, я не хотела, чтобы так вышло.

Лампы дневного света тихонько звенели под потолком.

– Гонишь? – Денис смущенно почесал кончик носа. – Ты-то при чем?

– Я испугалась, когда ты начал стрелять. Если бы выстрелила в вампира чуть раньше...

Ты понимаешь?

– Да ладно тебе. Я сам тормоз, начал палить. Вот и получил. А ты наоборот. Типа смелая. Я ведь не знал, что в зале вампиры, а то бы точно помер с перепугу. Знаешь, я, пожалуй, останусь в вашей конторе. Деваться некуда. Ну и мало ли, может, тебе помощь понадобится. А то эти у меня не вызывают доверия, – кивнул он в сторону комнаты Лесика. – Слушай, ну со мной все понятно, а ты-то как к ним попала?

– Почти так же, – пожала плечами Анечка. – Выхода не было. Я уже всерьез помирать собралась, когда они меня подобрали.

– Понятно.

Они помолчали.

– Слушай, а может, ты меня выпустишь? – Денис внимательно посмотрел ей в глаза.

– Иди ты. – Анечка отодвинулась вместе с креслом. – Думаешь меня развести?

– Нет. Не обижайся. Это так, типа проверки. Лучше скажи, чего этот дед хотел у меня спросить?

– Он собирался узнать про художника.

– Ты про Шпрота, что ли, который на чердаке жил? А к вам-то он каким местом? Ну, знал я его. Иногда вместе бухали, иногда он по целому вечеру грузил меня своими глюками. А, кажется, до меня дошло, в чем ваш интерес! Шпрот ведь всем трепал, что духов видел, привидений там всяких, домовой у него жил. Это ведь были не глюки?

– Не глюки, – покачала головой Анечка. – Лептонные существа. Вроде того, которое сидит у тебя за хребтом. Только в отличие от твоего они не хищники. Едят эмоции, тонкие излучения, остатки ауры трупов.

– Сдуреть, – помотал головой вампир. – Нутром верю, а мозги в панике. Слушай, а этот ваш начальник правду говорил, что со мной случилось практически бессмертие? Или наколол, как с зарплатой?

Анечка улыбнулась.

– Можно сказать, наколол, – призналась она. – Опасностей для тебя все равно хватает. Прямой солнечный свет, ультрафиолет, лептонные пули. Потом, тебе каждый день нужна свежая кровь, около стакана, другого способа питать мышцы кислородом у тебя нет. А без этого ты просто не сможешь двигаться. Зато тебе не надо есть, дышать не надо, пить тоже – захребетник отдает в тело энергию, которую получает с тонкими излучениями. Регенерация у тебя сверхбыстрая, скорость реакции и сила чудовищные.

– Я уже заметил.

– И еще, – вспомнила Анечка. – Тебя можно убить, если одним махом отсечь голову. В этом случае захребетник рвется надвое и погибает.

– Надо купить стальной ошейник, – усмехнулся Денис. – Или модный кольчужный шарфик.

Девушка улыбнулась. Вампир отвел взгляд и сказал неожиданно:

– Шпрот умер.

– Я знаю, – кивнула Анечка. – Я была на чердаке, где он жил. Скажи, почему Шпрот затянул зеркало холстиной?

Денис снова посмотрел на нее, в его глазах мелькнуло удивление.

– Почему ты спросила об этом?

– Для меня это важно. – Девушка встретила его взгляд, не отводя глаз.

– Ты бы не спросила, если бы он на тебя не смотрел.

Анечка внутренне вздрогнула.

– Кто?

– Лысый, – тихо ответил Денис.

Лампа под потолком зазвенела громче и несколько раз моргнула, потом стихла и стала гореть ровно, но чуть темнее, чем раньше.

– Кто это? – осторожно спросила девушка.

– Он глюк. – Вампир пожал плечами. – Его нет на самом деле. Человек придумывает его себе, когда не уверен в правильности собственных поступков. Я его звал Лысым, а Шпрот – Мастером. Вообще-то сначала мы думали, что он Сатана. Хотели даже договор с ним заключить, чтоб стать богатыми и знаменитыми. Крутыми.

Он встал с дивана и взялся за прутья решетки.

– Ты что, видел его? – удивилась Анечка.

– Конечно. А ты нет?

– Нет. Я ощутила лишь взгляд из зеркала.

– А мы видели. Шпроту он сначала снился, объяснял, как надо правильно рисовать. Тот так и стал рисовать. Обрадовался дурень, что картины уходить стали. А то вообще без денег сидел. Короче, Шпроту Лысый типа помогал, а меня только пугал, причем так, что крыша стала ехать. Временами я уже не понимал, то ли сплю, то ли нет. Мы с ним договор заключить собирались, даже подготовили жертвы. А потом поняли, что ничего он нам не даст, потому что мы его просто выдумали. И не только мы.

– Не могут же разные люди придумать одно и то же! – с сомнением сказала Анечка.

– Могут. Это вроде болезни. Грипп ведь у всех одинаковый. И Лысый у всех одинаковый. Знаешь, почему мы его за Сатану приняли? Да потому что он похож на Сатану. Это такой глюк, одинаковый для всех. Только Сатана сам искушает людей, а Лысый приходит к уже искушенным. К тем, кто сам уже решил поступить криво. Он им просто помогает пройти по пути зла. И со мной так было, и со Шпротом, и с Лихой. Каждый раз одинаково.

Он помолчал, раздумывая, стоит ли рассказать подробнее. Решился.

– У Шпрота была девчонка, они случайно встретились на выставке и сразу друг на друга запаали. Шпрот в ней души не чаял – на последние деньги подарки покупал, туалет ей разрисовал в стиле сюр. И она за ним тоже хвостом. Короче, любовь – упасть и не встать. А потом Шпрот узнал, что у нее папашка в Москве миллионами воротит, прикинь. Тут у Шпрота депрессняк жуткий начался на тему бабла, мол, не должно быть у тетки денег больше, чем у мужика. Короче, решил Шпрот от нее слинять. Вот тогда он Лысого и увидел в первый раз. Тот ему стал советы давать, как незаметно сбежать, как квартиру снять и как побыстрее заработать денег. Картины учил рисовать. Получилось, знаешь. В натуре Шпрот начал «капусту» косить едва не косой. А когда накосил, по ящику передали, что дочка того миллионера села в тачку и на полном ходу в столб влетела. Специально. Еще и записку оставила, что без Шпрота жить не хочет и не станет.

– Вот гад! – разозлилась Анечка. – Сволочь твой Шпрот, а я его еще пожалела!

– Да ладно, – невесело усмехнулся вампир. – Ты так говоришь, будто Лысый тебе самой не являлся. Даже если ты его и не видела, неужели никто никогда не нашептывал тебе на ухо, не подначивал поступить поперек собственной совести?

Анечка умолкла, вспомнив, из-за чего оказалась на улице.

– Чего покраснела? – Денис отвернулся и сел на диван. – Хотя да, я понимаю. Лысый – это очень стыдная болезнь, хуже сифилиса.

– Нет, я его увидела только вчера, – ответила девушка. – Но что, если он существует на самом деле? Что, если это не болезнь вовсе, а разумное существо, заставляющее людей совершать всякие мерзости?

– Вот тебя вставило! – Вампир чуть не рассмеялся. – Нет его! Никто человека не заставит делать гадости, если он сам не готов их совершать.

– Но у меня было полное ощущение, что за зеркалом в квартире Шпрота прячется что-то темное!

– Вроде той гадости, на которую вы охотитесь?

– Может быть.

– Слушай! – Денис встал с дивана. – Так если он существует в реале, можно его завалять! У вас же есть специальные «пушки», я видел.

– Да. Только Его Превосходительство и Лесик отрицают существование лептонного разума.

Вампир задумался и почесал макушку.

– На меня ты точно можешь рассчитывать, – сказал он. – Если Лысый не глюк, я бы его замочил с удовольствием.

– Спасибо, – улыбнулась девушка. – Иногда очень трудно одной.

– А ты меня не боишься?

– Боюсь. Я не понимаю, что движет вампирами.

– Жажда крови!!! – рявкнул Денис и бросился на решетку.

Анечка чуть не завизжала от ужаса.

– Дурак, – сипло сказала она и повертела у виска пальцем. – Сейчас бы шархнула из пулемета...

– Извини. Это так, типа шутка. А вообще действительно, куснуть тебя хочется сверх всяких сил. Честно.

– Я верю. Но это не ты, это захребетник хочет размножиться. Когда его подрежут, у тебя эта дикость должна пройти. Лесик говорит, что в конторе довольно много вампиров.

– Может, у них и свой профсоюз есть? – Денис усмехнулся. – Если нет, я имею шанс стать председателем.

– Не получится, – качнула головой Анечка. – Контора состоит из Штаба и автономных ячеек. Ячейки никогда не пересекаются в работе, даже не знают, где какая базируется. И никто не знает, где расположен Штаб. Это все из соображений секретности и безопасности.

– А связь со Штабом по рации?

– Нет. Гораздо сложнее. Ты удивишься, когда увидишь.

– Ну а если случайно наткнешься на другого агента?

– Не бывает такого! У каждой ячейки своя территория.

– Ну а все-таки? В инструкциях на этот счет ничего нет?

– Есть. При встрече с агентом чужой ячейки надо делать ноги, не выдавая собственной причастности к Институту.

– Вот у вас работенка, – усмехнулся вампир.

Так они болтали все два часа, пока заспанный Лесик не вышел на смену.

– Пока. До завтра. – Анечка помахала Денису и пошла спать.

– Пока, – подмигнул ей вслед вампир.

Лесик сонно уселся в кресло и поставил у ног пулемет.

Утром Ирина резала Деню. Анечка нервничала и не выходила из комнаты, а Его Превосходительство работал наверху, принимал заказы на ремонт машин. Крупным ремонтом ячейка никогда не занималась, а вот по мелочи брались, особенно за машины богатых клиентов – Лесик был хорошим автоэлектриком. Цены, установленные Иваном Сергеевичем, ограничивали приток заказов, и хотя все заработанные средства уходили на оплату места под мастерскую, ячейка от этого не страдала. У Института были другие источники финансирования – сеть аптек и крупная фирма по продаже медицинского оборудования. Это лишь те,

о которых знал Лесик, а наверняка были еще – слишком уж дорогое оборудование использовалось в институтской работе. Это не считая исследований, хотя Анечка подозревала, что научная база Института держится на открытиях, сделанных еще до девяносто первого года. Эфирный детектор точно был изобретен и пущен в серию в самом начале семидесятых, а лептонные замки, резак, насадки и скальпели производились с конца восьмидесятых. Это было время прорыва в экзотически наблюдаемое пространство, но никто об этом не знал, кроме некоторых офицеров КГБ и людей в высших партийных эшелонах.

Операция шла уже третий час. Денис лежал на столе лицом вниз, в наморднике, прикованный легированными цепями, а Ирина склонилась над ним в эфирном детекторе и работала лептонным скальпелем, переводя в физическое пространство ленточки отчуждаемых тканей. Из-под маски текли капли пота.

К середине третьего часа она добралась до клонового мешка и выжгла его ультрафиолетовым лазером.

– Потерпи, – нашептывала она судорожно бьющемуся вампиру. – Это еще не самое неприятное. Но наркоз на тебя все равно не подействует.

Она вставила на пустое место лептонную бомбу, свела края надреза невидимым зажимом и дождалась регенерации.

– Теперь расслабься, надо удалить слюнные железы, а то они у тебя теперь ядовитые.

Она взяла длинную стальную иглу с тупым крючком на конце и уверенным движением вбила вампиру за ухо. Тот взвыл нечеловеческим голосом и дернулся, лязгнув цепями. Ирина ввела иглу глубже и принялась вычищать слюнные железы.

– Вот и все. – Она вынула иглу с зацепившимися кусками бескровного мяса.

– Клыки выдирать не будешь? – Из-под намордника голос Дениса звучал глухо и перепуганно.

– Нет. Клыки твои нам пригодятся. Ну, как себя чувствуешь?

– Будто яйца отрезали.

Ирина фыркнула, отпустила зажимы и сняла с головы эфирный детектор.

– Добро пожаловать в новую жизнь. Радуйся, но помни – за спиной бомба. В физическом пространстве ее взрыв никто не заметит, но тебя она убьет верно, медленно и довольно мучительно. Успеешь понять, в чем был не прав.

– Могла бы и не вставлять. Кто бы заметил? – просипел вампир сквозь намордник. – Чего вы такие злые на весь мир?

– Я не злая, у меня работа такая. Приказ непосредственного начальника для меня закон. Ты тоже присягу будешь давать, так что успокойся, пожалуйста.

Она осторожно сняла с его головы намордник.

– Ты честная. Я тоже, – уже спокойней сказал Денис. – Так что я тебе сразу скажу, потом могу не успеть. Если эта присяга даст мне хоть одну лазейку тебя подставить, я воспользуюсь ею с радостью. И не только за бомбочку. Это ведь ты сидела у служебного входа со снайперкой?

Ирина смолчала и принялась отстегивать цепи.

– Это тоже был приказ, да? Ты ведь могла выпустить вампиров на лестницу и перещелкать их, как курочек в клетке. Но убила только одного, второго оставила. Кому? Мне или девочке-неофитке?

– Заткни свою клыкастую пасть, – посоветовала Ирина. – Сильно умных в конторе не любят. Я промахнулась. Понял? Это бывает. Особенно в темноте, особенно в дождь. Ты когда-нибудь попробуй пострелять из снайперки через детектор, а потом будешь высказываться.

Денис встал и потер запястья.

– Ладно, замяли, – усмехнулся он.

Ирина отвернулась, пока он одевался.

Анечка и Лесик ждали в коридоре.

– Все нормально. – Деня вышел из медицинского бокса и театрально помахал им ручкой. – Теперь я полностью безопасен для общества да еще заминирован для полной гарантии.

– Тогда добро пожаловать в органы, сынок, – усмехнулся Лесик. – Подожди в кабинете, я Ивана Сергеевича позову.

Он провел Деню по коридору и открыл дверь.

– Тут на столе присяга, ознакомься пока.

Анечка присела на стул возле опустевшей клетки.

– Что с тобой? – косо глянул на нее Лесик.

– Депрессняк, – отмахнулась девушка.

– Скоро пройдет. Сейчас мы выявим всех контактных нашего нового друга, и работы будет выше ушей. На депрессии времени не останется. А еще лучше давай вечером смотаемся в кабак, а? Посидим, попьем винца. Сон потом будет ангельский.

– Лучше Ирине предложи, – посоветовала Анечка.

– Ее есть кому в кабак пригласить. Или я не в твоем вкусе?

– Когда у меня депрессняк, мне все не в моем вкусе. Извини. Может, в другой раз. Ладно?

– Мое дело предложить. Просто мне кажется, что в ячейке должны быть дружеские отношения.

– Мне тоже, – улыбнулась девушка.

Лесик подмигнул и пошел звать Его Превосходительство.

К обеду выяснилось, что список контактов Дениса состоит из больше чем двадцати человек только близких знакомых.

– На полгода нам занятие обеспечено, – вздохнул Лесик, рассматривая лист на столе командира.

– Не думаю. – Его Превосходительство откинулся на спинку кресла. – Если в этой среде охотится десантник, то через пару месяцев народу должно поубавиться. Личный опыт. За каждым мы явно уследить не успеем.

– Надо постараться, – пожала плечами Анечка.

Ирина только невесело улыбнулась в ответ.

– Ребята, я присягу сегодня принял, – напомнил Денис. – Вы бы мне хоть немножко подкинули информации. Что это за Прорыв?

Иван Сергеевич кивнул на Лесика, тот усмехнулся и объяснил:

– Есть такая особенная тварюка. Мы ее называем десантником. Откуда она берется, пока не ясно, поэтому момент ее возникновения в экзофизически наблюдаемом пространстве мы называем Прорывом. Тварь эта постоянно пытается вселиться в живого человека, но просто так этого сделать не может, поэтому шатается рядом и ждет момента ослабления ауры. Это может быть опьянение до поросычьего визга или если клиент плотно сидит на наркоте. Иногда нападает на тех, кто просто устал жить. Мало того, если сам собой момент не подворачивается, десантник начинает воздействовать на психику клиента и потихоньку ее разрушать. Человек сильно меняется, становится угрюмым или злобным, а то и просто запуганным, нервным. И тут уже достаточно любой отключки, потери сознания или даже просто сна, чтобы десантник влез клиенту в мозги. И тогда с человеком может случиться все, что угодно, – он может стать гением или маньяком, фанатиком или новым гуру, но самим собой он уже не останется. Иногда десантник в облике человека создает секты, где большие группы людей специально вводятся в состояние, годное для вселения. Тогда случаются эпидемии Прорыва.

– А смысл? – не понял Денис.

– Нет никакого смысла, – скривился Лесик. – Это стихийное явление, как вирус.

– Значит, десантник – это экзотический вирус?

– Очень похоже. Считай его безумием, вызванным экзотическими причинами. Если десантнику не удастся вселиться в конкретного человека, он выбирает новую цель из близкого окружения предыдущей.

– Вот уж не думал, что придется работать в засекреченной санэпидемстанции, – фыркнул вампир. – С зарплатой в две штуки.

– Ладно, – прервал веселье Его Превосходительство. – Надо осмотреть всех людей из этого списка и выявить наиболее возможных кандидатов. За ними установим постоянную слежку. Конченные наркоманы среди них есть?

– Нет, – пожал плечами Денис. – Большинство даже не балуется.

– Отлично, – кивнул Иван Сергеевич. – Значит, у нас железно есть три месяца. За меньший срок десантнику клиента не подготовить, если тот не сидит на игле. А вот потом надо держать ухо востро. Ответственной за операцию назначаю Ирину. Разбей список на равные части и раздай ребятам. С завтрашнего дня начинаем.

– Я тоже? – осторожно спросил вампир.

– Ты в первую очередь. Это ведь твои знакомые, так что тебе легче и контактировать с ними, и знакомить с ними других. Заодно посмотрим, на что ты годишься.

– Круто. А они меня не вычислят? Ну, в смысле... Что я уже не совсем тот?

– После захода солнца – никак, – уверенно ответил Лесик. – Только не показывай свою силу, не падай с балконов и не попадай под машины. – Он подумал и добавил: – А кровь – только из пайка. Если вздумаешь кого-нибудь куснуть...

– Кнопка от бомбочки в кабинете у командира, – заученно закончил Денис.

– Умница, – усмехнулась Ирина.

В эту ночь как раз пошел снег. Все его ждали, хотя никто не хотел. Но Анечка пересилила себя и пошла с Лесиком в ресторан, это было лучше, чем сидеть на базе и пялиться в потолок.

Они сели у окна, Анечка так захотела. Прозрачная перегородка между теплом, вкусным запахом, уютом и вихрящимся снегом создавала ощущение короткого, глупого, но вполне настоящего счастья.

Официант наполнил бокалы, и Анечка с Лесиком чокнулись.

– Чтобы было не хуже, – сказал Лесик стандартный тост.

Анечка пригубила вина. Снег лип к стеклам, а ближайший фонарь у дороги подрагивал на ветру, отчего тени метались словно буйные сумасшедшие.

– Снег – это наказание людям, – тихо сказала она. – За проступки, которые мы совершили за лето.

– Ну да, – поддержал тему Лесик. – Чем больше грехов совершилось, тем больше выпадает за зиму снега.

Девушка отвечать не стала, просто отпила из бокала. Прошлая зима была очень снежной.

Подошел официант и принес закуски.

– Хорошо здесь готовят, – сказал Лесик. – Нравится?

– Да.

Они ели молча, но Анечка вдруг вспомнила, что давно хотела задать мучивший ее вопрос. Сейчас обстановка для этого казалась вполне подходящей.

– Почему ты никогда не надеваешь часы с маячком? – прямо спросила она. – Командир тебя штрафует на каждом задании, а ты все равно их не носишь.

– Странная смена темы. – Лесик поднял брови, улыбнулся и вытер губы салфеткой.

– Я давно хотела спросить. Стеснялась.

– Честно говоря, я не обязан тебе отвечать.

– А я не обязана сидеть с тобой в ресторане.

– В общем-то да. Но тебя мой ответ может шокировать, а толку с этого все равно не будет. Тебя ведь никто не подпустит к границам нашей зоны контроля, пока ты не станешь заместителем командира, как я.

– При чем здесь граница? – удивилась Анечка, но тут же догадалась. – А! Понятно! Это чтобы агенты других ячеек не засекли тебя на радаре? Да?

– Конечно, – кивнул Лесик.

Анечка доела салат. Через секунду логичный, казалось бы, ответ напарника показался ей просто абсурдным.

– погоди! Вне службы никто маячки не носит! Но ты ведь и на задание без часов выезжаешь!

Лесик вздохнул и сделал большой глоток вина.

– Никогда не знаешь, куда тебя занесет, а на границе зоны контроля с часами ходить опасно. Я тебе скажу, но ты не закладывай меня, ладно?

– Конечно.

– Есть особая инструкция, только для командиров и их заместителей. При встрече с агентом другой ячейки его следует расстрелять.

– Что?! – Анечка едва не опрокинула бокал.

– Тише ты! Думаешь, почему даже в личное время никому нельзя выходить за границу зоны? Соседние ячейки не должны встречаться. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Понятно? Это основа безопасности Института. По принципу – если ничего не знаешь, то и рассказывать нечего.

– Бред. Люди не способны создавать такие инструкции.

– Правда? – Лесик нехорошо усмехнулся. – Вспомни про заградительные отряды во время войны. То же самое. А Институт был государственным, не забывай.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Странная вещь судьба – Лесику не помогла забота о собственной безопасности. Невозможно знать заранее, чья пуля принесет тебе смерть. Вот и все.

Отчет не шел. Воспоминания цеплялись одно за другое, сплетались. Словно жили собственной жизнью.

Буквы на экране компьютера ждали нажатий на клавиши, кофе остыл.

В дверь постучали.

– Да, – неохотно ответила Анечка.

Щелкнул дверной замок. Дверь раскрылась, и в кабинет скромно протиснулся Денис.

– Как отчет? – осторожно спросил он.

– Думаю. – Анечка вздохнула. – В голове все смешалось. Поможешь?

– Давай. Только я сам подлетел, когда все уже кончилось.

– Как раз вовремя. – Анечка наконец улыбнулась.

– Н-да. – Денис прочел страницу. – Это для рассказа годится, а не для отчета. Стирай-ка ты это на фиг, и напишем по новой. Я тебе плутать точно не дам.

Анечка пожала плечами, открыла новый файл и напечатала: «Отчет о проведенной операции от оперативного агента Института прикладной экзотической физики Анны Астаховой».

Наверное, действительно лучше начать заново.

– Рука беспокоит? – задумчиво спросила Анечка, когда отчет был почти закончен.

Вдвоем действительно писалось намного легче.

– Немного. – Денис сконфуженно оглядел ожог на руке. – На сцене надо быть осторожнее. Попрошу директора убрать ультрафиолетовые фонари подальше в зал, а то если публика еще раз стянет меня со сцены, от меня одни кости останутся. Но вообще хорошая была идея – ввести моду на эти светильники. Штабисты тоже не зря свой хлеб едят. Теперь хоть в клубах вампиров можно не опасаться.

Анечка внимательно на него посмотрела.

– Что-то ты вялый, – подозрительно сказала она.

– Я кровавой паек еще не трогал.

– Ты с этим не шути. – Девушка до сих пор чувствовала за собой вину, хотя прошло уже полгода.

– Я волю тренирую, – смутился Денис. – Если честно, уже два пайка пропустил. Вчера и сегодня. И знаешь, вполне ничего себя чувствую. Но главное, что чувство голода прибавается. Честно. Я вот рядом с тобой уже сколько сижу, а никаких позывов, даже клыки не беспокоят.

Вампир раскрыл рот и показал ряд вполне нормальных зубов. Анечка внимательно их осмотрела. Внезапно клыки дернулись и начали медленно выдвигаться.

– Ой... – Денис резко закрыл рот. – Извини. Это так, фантазии. Вроде эротических.

– Иди ты, – весело отмахнулась девушка. – С тобой в одной комнате находиться опасно.

Она подумала и дописала еще пару строчек. Затем сняла тяжелые «командирские» часы и положила на стол. В помещении базы носить их было не обязательно.

– Ирина пришла в себя, – сообщил Денис уже серьезно. – Его Превосходительство допрашивает ее в кабинете.

Анечка сосредоточенно наморщила лоб и застучала по клавишам. Деня выглядел чересчур возбужденным, никак не мог усидеть на стуле.

– Чего ты ерзаешь? – покосилась она на него.

– Ладно, подожди меня пять минут. Пойду все-таки хлебну паек. У меня там заначка со станции переливания крови, Ирина достала через подружек. Блин, первая группа! Отрицательный резус... Кайф, а не кровь. Жаль будет, если протухнет.

Минут через пять Деня вернулся, вид у него был как у кота, только что умявшего полный горшок сметаны.

– Не протухла, – поделился он впечатлениями.

Анечка неопределенно хмыкнула, дописывая последнюю строчку.

– Закончила, – сказала она. – Сейчас распечатается.

– Ну так пойдем. – Парень задумчиво посмотрел на подругу и вздохнул, потрогав языком еще не полностью ставший на место клык.

Девушка вынула из принтера два листа подробного отчета, выключила компьютер и первой вышла из кабинета. При всей симпатии к Денису в ней постоянно дремал атавистический страх перед вампиром – по спине пробежала волна мурашек. Легкого усилия воли оказалось достаточно, чтобы взять себя в руки, Денис закрыл дверь, и они вместе вышли в коридор секретного уровня базы. «Нижний кабинет» командира ячейки был почти в самом конце коридора, рядом со скрытым штабным помещением.

Ирина уже совсем пришла в себя и сидела в кресле, а сам Его Превосходительство занял стул, но солидности это ему не убавляло. Такого человека хоть на насест посади, он все равно останется Его Превосходительством.

– Я закончила отчет. – Анечка протянула бумаги начальнику. – С Ириной все в порядке?

– Как видишь. Садитесь послушайте.

Анечка заметила, что от него заметно пахнет элитным французским коньяком. Все ясно – остатки с вечернего «хлопа». С присущей Институту секретностью бывшие кагэбэшники из Штаба анонимно подкидывали дефицит старым соратникам. Эдакая страстишка. Мелочь. Нарочитое нарушение дисциплины. Знак отличия. Не для молодых.

Ирина кивнула вошедшим и откинулась в кресле. Подумав секунду, сказала:

– В эту ночь мы ждали десантника. Денис работал на сцене, а я из гримерки следила за Гогой в эфирный детектор. На его груди я заметила невнятное свечение класса «Ка» и решила, что по депрессии к нему прицепилась мелкая тварь. Гога явно был на грани, нервничал, а потом вдруг ни с того ни с сего сорвался с места и рванул к лестнице. С детектором на голове я за ним бежать не могла, поэтому пришлось полагаться на телепатическое чутье, а детектор сунуть в рюкзачок. Но если бы случился Прорыв, я бы почувствовала.

– Очень сомнительное утверждение, – вздохнул Его Превосходительство. – Сколько вас можно учить, что доверять можно только приборам!

– Телепатия и биоэнергетика подтверждены научно, – пожала плечами Ирина. – Инструкция их использовать не запрещает.

– Но и не поощряет. Ладно, что было дальше?

– Гога вышел на улицу и, пока я спускалась, успел затеряться в одном из дворов. Честно говоря, я его упустила и уже собиралась сделать контрольный звонок, когда услышала звук флейты.

– У Гоги есть такая привычка, – усмехнулся Денис. – Он всегда играет на своей дудке, когда ему очень хреново. Он частенько плел про это всякую чепуху.

Иван Сергеевич строго глянул на него, и вампир умолк.

– Во дворе было эхо, – продолжала Ирина. – Поэтому я никак не могла понять, откуда именно доносится звук. Прошла по двору, свернула за угол и увидела его у стены – он сидел с блаженной улыбкой и выдувал из дудочки звуки. Псих он.

– Сама ты псих! – буркнул Деня. – На себя посмотри.

– Отвянь! – огрызнулась Ирина. – Ты бы видел, как он шарахнулся, когда увидел меня. И наутек. Я бегаю нормально, но он, по-моему, перекрыл все рекорды.

– Ты не смогла его догнать? – Иван Сергеевич поднял брови.

– Я просто не ожидала, что он так рванет.

– А как же твоя хваленая телепатия?

– Для этого нужно сосредоточиться. А у меня в голове сидело лишь то, что я бегу за полоумным идиотом и поэтому не могу сделать контрольный звонок.

– Могла бы позвонить на бегу.

– Да? Иван Сергеевич, при всем моем к вам уважении! Я и так сбила дыхание.

– А он?

– Не знаю. В какой-то момент я просто потеряла его из вида.

– Что?! Как это потеряла? Ты же телепат класса «экстра»!

– Сама не могу понять, – смутилась девушка. – Но иногда такое бывает. Вы же сами говорите, что телепатия – явление нестабильное.

Его Превосходительство невнятно фыркнул.

– Кстати, – сказала Ира. – Я и дозвониться потом не смогла – сеть упала. Так что техника ваша тоже еще той надежности. В общем, я пошла обратно в клуб, чтобы позвонить оттуда и предупредить Дениса. Когда вошла через служебный вход, Гога уже был в зале. Так что стало не до звонка. А дальше началось вообще что-то непонятное. Я надела детектор и заняла позицию возле гримерки, но то, что я увидела, ни в какие ворота не лезло. Гога светился в эфире, как новогодняя елка, причем это не какая-то тварь в нем сидела, а сама его аура переливалась всеми спектрами от «Би» до «Эль». И тут к Гоге подошел какой-то парень, схватил за отворот куртки, дернул, едва не свалив его с ног, и побежал к служебному выходу. В его руке будто пылал огненный факел, засветка не меньше «Ка-5», а вот Гога моментально стал угасать. Я поняла, что столкнулась с чем-то из ряда вон выходящим, и побежала за незнакомцем. Дениса я предупредить не успела.

Ирина умолкла и опустила глаза.

– Дальше, дальше, – потребовал Иван Сергеевич.

– Дальше я почти ничего не помню, – призналась девушка. – Помню, что побежала за ним и он меня будто заманивал – то подпускал ближе, то убегал вперед. Потом их вроде стало двое.

– Почему ты не стреляла и где твой эфирный детектор? Девочка, это пахнет трибуналом, ты понимаешь? Агент погиб.

– Идите вы все, – буркнула Ирина и отвернулась.

– Ладно. – Его Превосходительство потер ладони. – Идите, так идите. Денис, возьми ее под стражу.

– Это как? – не понял вампир.

– Как в кино. Чтоб не убежала. У нее же нет бомбочки, как у тебя.

Денис едва не рассмеялся.

– Н-да... Видимо, у вампиров тоже есть собственный бог.

– дождался, кастратик? – презрительно скривилась Ирина.

– Не беспокойтесь, Иван Сергеевич, от меня она точно не сбежит, – пообещал Денис.

– Да я уже чувствую, – вздохнул командир.

– Куда ее? – Вампир встал и с преувеличенной вежливостью приподнял Ирину за локоть.

– Да, карцер мы предусмотреть не успели, – нахмурился Его Превосходительство.

– Можно в клетку, – скромно предложил Деня. – А то с зимы пустует, сердешная.

– Вот гад! – Ирина зло повела плечами.

– Пойдем, пойдем, хирург, – легонько подтолкнул девушку к выходу в коридор вампир. – Теперь я – твоя бомбочка.

Иван Сергеевич вышел следом, взять со склада лептонный резак, а Анечка осталась в кабинете одна, совершенно не зная, как на все это реагировать. Выпить, что ли. Она искоса глянула на притаившийся в углу кабинета бар, подкралась к нему на цыпочках и открыла дверцу. Внутри, кроме початых вин, стояла толстопузая бутылка коньяка из черного до непрозрачности стекла. Видимо, это и был гостинчик из Штаба. Она отвинтила пробку и пару раз глотнула прямо из горлышка. Поморщилась, передернула плечами и снова глотнула. В мозгах постепенно разлилось долгожданное притупление. Она закрыла бар и вернулась на место.

Минут через пять вернулись Его Превосходительство с Деней.

– Вы диван ей хоть оставили? – стараясь не выдать подкатившего опьянения, спросила Анечка.

– Конечно, – усмехнулся вампир. – Уже лежит, отдыхает.

– Иван Сергеевич, а вы не погорячились? Может, не надо было сразу в клетку?

– Надо. Я не могу работать с агентами, которые чего-то недоговаривают после гибели одного из товарищей. Тебе ее рассказ не показался странным?

– Показался, – кивнула девушка. – Но, может, надо было сначала разобраться в причинах? Лично мне показалось, что она сама в смятении.

– Смятение могло быть вызвано чем угодно, включая вселение десантника.

В кабинете повисла тяжелая тишина.

– Вот черт, – шепнул Деня. – А узнать-то как? Вселившегося десантника не видно в эфирный детектор.

– Вот и я думаю. – Иван Сергеевич потер переносицу. – Единственный экстрасенс, который может его выявить, сам под подозрением.

– Как-то все по-дурацки получилось, – вздохнула Анечка.

– Ладно. Придется вызывать спецов из Штаба. – Его Превосходительство решительно выпрямился в кресле. – С вечерним «хлопом» отправлю вызов. А сейчас меня волнует причина всей этой кутерьмы. Ловили десантника, а столкнулись неизвестно с чем.

– Или неизвестно с кем, – задумчиво сказал Деня. – Кому, блин, понадобилось отбирать Гогину флейту?

– И почему она светится в детекторе, – кивнул Иван Сергеевич.

– Может, это кто-то из наших? – робко предположила Анечка. – Ну, из другой ячейки?

– Исключено, – отмахнулся командир. – Это наша территория.

– Значит, кто-то еще, кроме Института, интересуется экзотикой.

– Ну, это уж совсем ерунда. Изучение экзотической физики требует вложений на государственном уровне. Никакая шайка на это не способна.

– Это вы зря, – покачал головой вампир. – Времена изменились, сейчас в государстве денег меньше, чем в тени. Может, какой-нибудь подпольный миллионер решил профинансировать. На этом ведь денег можно накопить десять мешков с половиной. Один лептонный резак чего стоит! А он ведь совсем не сложно устроен, надо только понять принцип лептонных структур. А демоны в боевом применении? Для бандитов – находка! А «хлоповая» телепортация?

Иван Сергеевич встал с кресла и направился к бару. Видимо, напоминание о телепортации навело его на мысль добавиться коньячком. Он достал бутылку и плеснул в фужер. Выпил. Запах дорогого напитка распространился по комнате.

– В этом есть рациональное зерно, – заключил командир.

– Нам только экзотической мафии не хватало, – буркнул Деня.

– Ладно. Я подготовлю депешу в Штаб, – произнес Его Превосходительство.

Анечка вздохнула.

– Пойдем, надо серьезно поговорить, – неожиданно сказал ей Иван Сергеевич, направляясь к выходу.

Они добрались до глухой стены, скрывавшей вход в штаб ячейки. В отличие от регионального Штаба, этот писался с маленькой буквы. Иван Сергеевич коснулся камня, и стена исчезла, от легкого дуновения теплого воздуха на Анечкин лоб упала непослушная прядь волос. По спине пробежали мурашки, девушка почувствовала, что в проходе висит невидимый и неосязаемый страж. Командир ячейки испытывал какую-то необъяснимую любовь к сторожевым демонам.

В комнате вспыхнул свет, слишком яркий после сумрачной духоты коридора.

– Заходи, – после секундной паузы пригласил Иван Сергеевич.

Они миновали комнату, в которой обычно выдавались оружие и снаряжение, после чего попали в огромный, как зал средневекового замка, кабинет.

– Садись. – Его Превосходительство положил отчет на длинный стол из черного дерева.

На дальнем краю стола неясно выделялась инкрустация в виде пентаграммы. Это и был приемопередатчик для связи со Штабом, то, что на институтском жаргоне называлось коротеньким словом «хлоп». Магическая телепортация была известна так давно, что сотрудники Института привыкли к ней, как к лифту или сотовым телефонам.

Анечка села на предложенный стул, совершенно не понимая, зачем ее сюда привели. Обычно в штабе собирались для обсуждения важных заданий, но она была здесь лишь при сборах по боевой тревоге. Все без исключения агенты, исключая, наверное, Лесика, относились к ней не как к офицеру, а скорее как к кандидату в офицеры. Несмотря на то, что присягу она приняла по всем правилам, задания Анечка получала чаще всего в суматохе более важных дел, чуть ли не на бегу, да и сами задания были какие-то несерьезные, вроде «поди туда, посмотри то». Даже более молодой Денис котирировался командиром выше.

Девушка вздохнула, с интересом и опаской оглядывая кабинет штаба и особенно стол, представлявший собой прекрасную натуру для сумасшедшего художника. Больше всего на столе было книг, они лежали по всей длине, иногда даже стопками, напоминая строения города, висящего в бесконечном пространстве. Посреди стола лежала огромная карта Питера, свисая через край в зыбкую тень у пола. Видимо, для того, чтобы она не сворачивалась, на ней лежал здоровенный автоматический пистолет Стечкина и две картонные коробки патронов. Словно телебашня посреди города, в центре стола возвышался хрустальный графин с граненой, как алмаз, пробкой, а дальше, поблескивая озерцами окуляров, громоздилась гора стандартного эфирного детектора. Дальше все путалось в лесах и перелесках канцелярских принадлежностей, холодного и огнестрельного оружия, размотанных фотопленок, компьютерных дисков, шприцов, ампул и других необходимых в работе предметов. За всем этим великолепием начиналась пустыня ровного стола с вычерченной пентаграммой.

Только теперь Анечка разглядела, что там, ожидая вечернего «хлопа», лежит добытая в бою флейта.

– Что ты о ней думаешь? – уловив взгляд девушки, спросил Его Превосходительство.

Такого вопроса Анечка не ожидала, она вообще не привыкла, что бы с ней кто-то советовался.

– Не знаю, – сказала она.

– А если подумать? – Иван Сергеевич грузно опустился на стул. – Ты ведь неплохо разбираешься в музыке.

– Но не в музыкальных инструментах, – пожала плечами девушка. – Да и в экзофизике тоже не очень. Эта флейта оставляет метку в эфирном детекторе, я сама видела и указала

это в отчете. Почему так – не знаю. Денис сказал, что флейта самая обыкновенная, правда, довольно старая. Он ее и раньше видел у Гоги.

Иван Сергеевич взял лежавшую на краю стола книгу в простой мягкой обложке, на которой большими синими буквами было написано: «Руководство по эксплуатации». А чуть ниже обычным шрифтом: «Портативный детектор тонких излучений ЭДК-72».

– Я работал с этой штукой с семьдесят четвертого года, – заявил он, открыв одну из последних страниц. – Но с проблемой эфирных помех столкнулся впервые. Обычно светящегося следового пятна было достаточно для однозначного причисления предмета к числу магических артефактов.

– К числу чего?! – Анечка удивленно распахнула глаза.

– Наверное, Алексей тебе этого не давал. Ладно, пора взрослеть, девочка. Скажу коротко. В экзотике есть такое понятие, как магия. Это использование специально обработанных предметов для управления тонкими сущностями в целях управляющего лица.

– В целях мага? – осторожно спросила Анечка.

– Да. Именно так принято называть человека, работающего с артефактом. В середине восьмидесятых годов было окончательно доказано, что некоторые тонкие сущности очень чувствительны к объектам физического мира, если придать этим объектам определенную форму или структуру. Точный принцип работы таких вещей выяснить так и не удалось, с расформированием Института эту программу закрыли как малозначимую. Но факт остается фактом – некоторые духи и даже демоны могут отзываться на мысленные приказы человека, владеющего соответствующим артефактом. Одним из древнейших, подробно изученных и стабильно работающих артефактов является перстень царя Соломона.

– Значит, это не сказка? – еще больше удивилась Анечка.

– Не больше, чем зеркальце, которое тебе отдал Алексей. Это обычный магический артефакт. Ты бы сама подумала, как оно устроено. В нем же нет высокочастотных блоков, как в эфирном детекторе, в нем вообще ничего нет, кроме по-особому сделанной ручки. В ней-то весь секрет. Структура ручки удерживает рядом с зеркальцем совершенно безопасное лептонное существо, которое входит в контакт с аурой человека и транслирует в зрительное поле твоего мозга информацию, происходящую в тонком пространстве. Поэтому в него видно несколько иначе, чем в стандартный эфирный детектор. Ключик от моего стола – тоже магический артефакт. Правда, современный, сделанный специалистами Института. – Он рассеянно перелистал инструкцию к детектору. – Это понятно и просто, но сегодня мне пришлось заново перечитать главы «Возможные неисправности» и «Возникающие помехи». Знаешь почему?

– Догадываюсь, – серьезно кивнула Анечка. – Флейта самая обыкновенная.

– Правильно. Никаких следов сложных структур, рун или чего-то подобного. Но вот что тут написано. – Командир раскрыл книжечку. – Предмет может оставлять устойчивую светящуюся метку, только если был использован в качестве магического артефакта.

– Подождите! – Анечку осенила догадка. – А если музыка как раз и создает нужную структуру? Звук и форма в тонком мире, по-моему, вообще неразличимы. А у этой флейты может оказаться какой-то фабричный изъян, создающий неповторимые звуковые характеристики.

Иван Сергеевич повертел флейту в руках, словно сам собрался выдуть из нее звук. Потом спросил:

– Умеешь играть?

– Да, – ответила Анечка.

– Сыграй. Любую мелодию.

Девушка протянула руку и осторожно приняла флейту. Темно-вишневый лак местами облупился, за инструментом явно никто всерьез не ухаживал.

Она приложила флейту к губам и выдула из нее длинную ноту, потом пальцы задвигались, и сипловатый голос дешевого инструмента переливами заполнил кабинет штаба.

Его Превосходительство слушал внимательно, словно боялся пропустить нечто важное, но в комнате ничего не менялось.

– Не останавливайся, – попросил он и потянулся к лежащему на столе эфирному детектору.

Командир водрузил прибор на голову и щелкнул тумблером, внутри тонко засвистел преобразователь высокого напряжения.

– Ничего. – Его Превосходительство снял с головы детектор. – Никаких изменений.

Анечка пожала плечами и положила флейту на стол.

– Может, попробовать на улице? – неожиданно для самой себя спросила она.

– Какая разница? – грустно отмахнулся Иван Сергеевич. – А впрочем... До вечернего «хлопа» еще далеко, так что можно попробовать. Вообще, знаешь, это интересная мысль. Может быть, на звук именно этой флейты каким-то образом откликаются духи определенного места? Молодец, Аня, мыслишь неординарно. Вот только как узнать то место, в котором противник хотел применить флейту, и какова могла быть цель такого применения?

– А может, попробовать там, где мы подстрелили того парня?

Его Превосходительство задумался.

– В этом что-то есть. Для чего-то ведь он рвался к заливу! Ладно, бери флейту, поиграем на свежем воздухе.

Иван Сергеевич остановил машину у шлагбаума свалки. «Волга» была не служебная, его собственная, но давно уже задействовалась в самых лихих операциях, следы которых надежно прятались под слоями шпаклевки и краски. Он показал сторожу поддельное удостоверение офицера ФСБ, и тот приподнял шлагбаум. Иван Сергеевич тронул машину с места и погнал по проторенной тракторами дорожке. Подвеска застучала по ухабам и выбоинам.

– Значит, здесь все и было? – спросил Иван Сергеевич.

– Вон там. – Анечка дождалась остановки, открыла дверцу и показала рукой на обрыв.

– Почему ты выехала с базы без индивидуального маячка? – Иван Сергеевич остановил взгляд на ее запястье.

– Извините. Часы слишком громоздкие, – по-пыталась оправдаться Анечка. – Мне и без них сейчас тяжело.

– Ладно, извинения принимаются. Штраф возьму по минимуму – пятьдесят долларов. Иди осмотри место, мне надо кое-куда позвонить.

Анечка выбралась из машины и спустилась к обрыву.

Ветер мягко играл осокой. Среди дня место выглядело совсем обычным, звуки природы тонули в грохоте тракторов и грузовиков, привозящих и трамбующих мусор. Солнце было похоже на дыру, пробитую в раскаленной печи, но чайкам это нравилось, они кружили над заливом, задорно бросаясь к воде за рыбешкой.

Вскоре хлопнула дверь «Волги», и командир догнал Анечку.

– Если тут и была милиция, – он присел на корточки, – то следов они не оставили. А вот вы потрудились. Это Денис так из автомата шпарил?

В траве виднелись россыпи желто-зеленых автоматных гильз. Местные пацаны эти залежи явно еще не открыли, иначе бы растащили все, как муравьи.

– Это он меня прикрывал, – ответила девушка.

– Рыцарь Кровавого Ордена, – усмехнулся Иван Сергеевич и спустился к воде.

В месте, где подстрелили Лесика, осока была основательно прорежена пулями.

– Вот здесь лежала флейта. – Анечка развела руками траву. – А вот здесь этот тип.

– Ну что, не хочешь устроить маленький концерт? – Иван Сергеевич подмигнул Анечке. – Ты неплохо играешь.

Не дожидаясь ответа, он достал из-под пиджака флейту, и они вместе поднялись на насыпь.

Анечка взяла инструмент, поднесла к губам и с удивлением заметила в руках командира странный прибор, какого ни разу не видела в арсенале устройств Института.

– Что это? – не удержалась она от вопроса.

Прибор, казалось, был соткан из чистого света – красного, синего и зеленого. Но были в нем части и из сверкающего металла.

– Новая модель эфирного детектора, – пояснил Иван Сергеевич. – Думаешь, Институт прекратил научные разработки? Это образец прошлого года, экспериментальный, но очень точный. Транслирует картинку непосредственно в мозг. Играй, мне надо сделать дополнительную калибровку под местность.

Анечка выдула из флейты несколько звуков, потом принялась наигрывать первую попавшуюся мелодию.

Командир пожал плечами, сжал ладонь с прибором, и тот собрался, как трансформер в мультфильме, превратившись в крохотный сверкающий кубик. Иван Сергеевич бросил его в карман и неожиданно спросил:

– Чего ты больше всего хочешь?

– Что? – не поняла Анечка и с озадаченным видом опустила флейту.

– Когда ты играла, какое желание у тебя было самым сильным? О чем ты думала, о чем мечтала?

– Ни о чем. – Она пожала плечами.

– Так не бывает. Если флейта является магическим артефактом, то ее действие может зависеть от твоих мыслей. Существа тонкого мира очень чувствительны к излучениям мозга.

– Я давно не играла, поэтому думала лишь о том, как не ошибиться.

– И не ошиблась?

– Я старалась, – улыбнулась Анечка.

«На самом деле я дико устала, – подумала она про себя. – И мне хочется взять отгул и залезть в горячую ванну».

Но не могла же она сказать об этом командиру!

– Ладно, поехали на базу, – вздохнул Иван Сергеевич. – Отошлем флейту в Штаб, пусть сами разбираются.

Он сел за руль, дождался Анечку и попробовал тронуть машину с места, но попавшее в выбоину колесо лишь бессильно забуксовало.

– Вот черт! – выругался командир. – Что за дерьмо?

Он выбрался из машины и присел у заднего колеса.

– Надо доску какую-нибудь подложить, – не поднимаясь, буркнул он.

Анечка бросила флейту на заднее сиденье и распахнула дверь.

– Может, у сторожа что-нибудь есть? – предположила она.

– Сходи спроси.

Она направилась к будке возле шлагбаума, но с каждым шагом непонятное чувство тревоги все сильнее и сильнее овладевало ею. Анечка остановилась, ощущая спиной чей-то взгляд. Обернувшись, она чуть не вскрикнула – возле машины стоял незнакомец в черных брюках и в черной рубашке, точно в таких же, какие были на преступнике, которого застрелил Денис. А командир лежал на земле, раскинув руки. Он не шевелился, но самым страшным Анечке показалось не это, а толстый слой льда и инея на его голове. Это было похоже на выстрел из замораживателя в игре «Дюк Ньюкем».

Незнакомец опустил руку в карман и неспешно распахнул заднюю дверь.

– Стой! – крикнула Анечка, холодея от страха.

Пистолет остался на базе, а газовик командира валялся в бардачке «Волги». Только мобильник болтался на поясе, смутно напоминая оружие.

– Буду стрелять! – добавила девушка, сорвав телефон с пояса.

Однако незнакомец совершенно не испугался. Он спокойно наклонился над задним сиденьем, где лежала флейта, и протянул руку.

– Стоять! – Анечка сорвалась на истерический визг и изо всех сил запустила телефоном в стекло.

Толстый сталенит не выдержал и обрушился в салон сверкающей крошкой. Это заставило незнакомца вздрогнуть и отскочить от машины – хлопок лопнувшего стекла действительно был похож на выстрел из пистолета с глушителем. Анечка не стала терять времени даром и, словно кошка, прыгнула на капот, стараясь как можно скорее дотянуться до бардачка с девятимиллиметровым газовиком «майями».

Незнакомец понял свою оплошность и снова рванулся к машине, но в этот момент Анечка распахнула бардачок и сжала гладкую рукоять пистолета. Она передернула затвор, и когда чужая рука была готова схватить флейту, грянул оглушительный выстрел. Мощная струя смешанного с пламенем газа вышибла незнакомца из салона, опрокинув спиной в траву. Анечка добралась до сиденья и, не отводя ствол от противника, схватила флейту.

– Лежать! – прикрикнула она на всякий случай и попятилась из машины.

Незнакомец стонал и шумно сопел, закрывая лицо руками. Но подниматься не собирався. Анечка бросилась к шлагбауму, заметив, что перепуганный сторож в будке держит возле уха телефонную трубку.

«В милицию звонил, – еще сильнее испугалась она, не представляя, что делать дальше. – Сейчас тут начнется».

Выбежав со свалки, она миновала мостик через Шкиперский проток и бросилась в сторону улицы Опочинина. Ближе к перекрестку пришлось перейти на шаг, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но это не помогло. Свернувшая с бульвара милицмейская машина с визгом притормозила и прижалась к бордюру.

Не осознавая, к чему могут привести дальнейшие действия, Анечка рванула по тротуару.

– Стоять! – закричал милиционер, выскакивая из машины.

Оставался лишь один выход – пересечь перекресток, через который несся плотный поток машин. Не помня себя от страха, девушка шагнула с бордюра и выскочила на переход. Заскрипели тормоза, загудели сигналы, что-то грохнуло, заскрежетало, посыпались осколки пластика и стекла. Это ее напугало еще сильнее, но ноги сами несли вперед. Взвыла сирена патрульной машины, и за спиной, нарастая, заревел мощный двигатель.

На счастье подвернулась арка, ведущая неизвестно куда. Анечка метнулась в сырую полутьму, на бегу швырнула в кусты пистолет. Вместо него она сунула за пояс флейту, чтобы не мешала перелезть через забор. За оградой оказался детский садик – малышня сгрудилась возле песочницы, а воспитательница испуганно встретилась взглядом с Анечкой.

– Все нормально! – Анечка показала пустые ладони. – Не кричите, я сейчас уйду.

Проскочив через ворота, она пересекла неизвестный проулок и нырнула в следующий проходной двор. Потом в следующий, в следующий, в следующий... Уже не ощущая погони, Анечка не могла остановиться – новые арки и проходные дворы затягивали ее, словно бесконечный коридор между двумя зеркалами.

– Что же мне теперь делать? – шептала она на бегу, не в силах справиться с надвигающейся истерикой. – Куда же мне теперь?..

Командир и Лесик погибли, Ирина скорее всего заражена десантником. Связи с региональным Штабом нет, поскольку до «хлопа» без Ивана Сергеевича не добраться. Без еды

и без денег долго не продержаться. А Денису вместо пищи нужна кровь, которую достать еще труднее.

Анечка устала бежать и побрела по улицам, не замечая, как прохожие плятятся на ее растрепанный вид. Истерика накатывала все сильнее и сильнее. Казалось, что выхода из создавшегося положения нет и не будет, что его невозможно отыскать среди проходных дворов и пыльных бульваров.

Ветер с залива начал стихать, аромат соли и дальних стран сменился запахом пыльного асфальта.

«Сбежать бы куда-нибудь, – подумала Анечка. – На теплоход и в чужую страну. Навсегда».

Она представила закованного Деню и Ирину, умершую в клетке от голода. Стало еще страшнее, а по щекам потекли соленые струйки слез. А вдруг на базе уже засада? Кто-то ведь узнал про флейту, кто-то хотел ее выкрасть!

«Деню убить не так просто, – решила Анечка. – В конце концов, он сможет охотиться, как обычный вампир. А что будет со мной, если я попадусь к этим, в черном? Или к ментам?»

Она решила подождать с возвращением. Хотя бы немного прийти в себя. Там видно будет. Анечка почти успокоилась, но вдруг ощутила за спиной чье-то присутствие. Резко обернувшись, она не заметила ничего, кроме большой магазинной витрины. Витрина как витрина, за стеклом красуются канцелярские принадлежности, но отчего-то по коже побежали мурашки. Ощущение было не таким сильным, как в комнатухе художника Шпрота, но очень похожим – словно из отражения кто-то смотрит холодным изучающим взглядом. Такой взгляд сделался у Ивана Сергеевича, когда он заподозрил Ирину во лжи.

И тут же в переулок медленно въехала бело-синяя милицейская машина. Анечка рванула через кусты, снова в арку, снова через дворы. У нее нарастало ощущение, что Питер водит ее, как иногда начинает водить лес, если потерять ориентиры. Иногда ей казалось, что через этот двор она уже пробегала, но за поворотом вместо детских качелей оказывались контейнеры с мусором, или на знакомой стене вдруг оказывались незнакомые надписи.

Анечка ворвалась в длинную, залитую лужами арку и побежала, расплескивая эхо подошвами. Прорвалась сквозь скрученное в кирпичный рулон пространство, выскочила, споткнулась. Снова бегом.

Гулкий колодец двора навис над ней отсыревшими стенами, а над ним линиялым флагом трепетало небо. Анечка преодолела густые заросли палисадника, потом куда-то свернула, скользнула вдоль отсыревшей стены в проулок и чуть не свалила рекламную стойку с корявой надписью «Резка зеркал и стекла».

Анечка выскочила на дорогу, и сразу на нее загудели, завизжали тормозами, заругались грязно и с удовольствием. Она метнулась дальше, все мелькало и, не задерживаясь, убегало назад. Серые стены, решетки из чугуна, ступеньки, канавы, бордюры, скамейки, цепи, шары из гранита, трамваи, каменные копыта коней. Больше всего на свете Анечка хотела сейчас убежать в такую даль, где ее не найдет ни один человек. Но она устала, и ноги не несли ее больше, спотыкались на ровном месте.

Она вновь очутилась в узкой арке, манившей тишиной и безлюдьем, за ней оказалась следующая, а за ней еще и еще, словно Анечка попала в зеркальный коридор. Три, четыре, пять...

Девушка зажмурилась и выскочила на открытое пространство. По лицу хлестко ударили ветки, Анечка не удержалась на ногах и упала. В ушах медленно утихал рокот крови. Под пальцами хрустел гравий, а у самой земли стелился запах цветов. Анечка не видела, но ощущала, как высоко над ветвями проплывают белоснежные облака, а на земле трепещут тени от листьев.

Она лежала на усыпанной гравием круглой площадке в самом сердце какого-то парка или даже леса – такой он был старый и неухоженный. Кроме Анечки вокруг не было ни души – только птицы на ветках. Вороны.

– Что же делать? – прошептала она. – Господи, что же мне делать?

Она встала и не отряхиваясь побрела по одной из дорожек. Вороны поворачивали вслед за ней головы, как автоматы слежения. Механизмы. Парк безмолвно уползал за спину, свет солнца пятнами плыл под ногами, складываясь в геометрию одиночества.

Анечка опустила на колени и закрыла лицо ладонями.

– Господи, сделай так, чтоб все это было во сне. Господи...

Она подняла лицо к небу. Ветер стих, и лишь на недостижимой высоте плыли очень медленные облака и светило яркое солнце.

Давно, в далеком-далеком детстве, все было другим, но облака были точно такими же. Мягкими и плотными. Казалось, что на них можно лежать, как на бабушкиной перине, и забраться туда было бы лучшим на свете решением жизненных неурядиц.

...Летом Анечка уезжала в деревню к бабушке, где можно было целый день ничего не делать, а только лежать на траве и смотреть в облака. Мама отпускала ее охотно, оставаясь в городе по своим непонятным взрослым делам.

Дядя Миша заезжал за ней рано утром на своем стареньком «москвичонке», и они долго-долго ехали по разным дорогам, через мосты, через железнодорожные переезды, подолгу ожидая, когда пройдет длинный, перемазанный в мазуте товарняк.

Они ехали через леса, от которых постепенно оставались узкие лесополосы, а потом через степь, по которой катились широкие волны колеблющейся от ветра травы. Анечка открывала окно, высовывала голову наружу и хохотала в восторге от скорости, лета и приближающегося счастья. Она захлебывалась ветром, и никто не бурчал, что она простудится. Может, именно поэтому она никогда не простужалась в дороге, хотя дома даже легкий сквозняк нередко укладывал ее под пропахшее микстурой одеяло.

Вечером солнце садилось в степь. Дядя Миша всегда съезжал с дороги подальше, останавливал «москвичок» и выводил Анечку под алое небо.

– Раньше люди думали, – говорил он, – что солнце – это бог.

А оно уже прижималось к земле, огромное, красное, чуть сплюснутое, и трава от него была красной, и небо.

– Бог не бог, а уважение к нему надо иметь, – добавлял дядя Миша. – От него все добро в мире – и свет, и тепло. Давай его проводим.

Анечка не возражала.

Они стояли, взявшись за руки, и ждали, когда от солнца останется сначала три четверти, потом половинка, и совсем скоро четвертушка. Молчали, а ветер все крепче дул в спину, щелкая краями Анечкиного ситцевого платья.

– Куда уходит солнце? – однажды спросила она, вдыхая пряный аромат трав. – Мама говорит, что оно просто крутится вокруг Земли. Это правда?

– Для тех, кто не верит в чудеса, – правда, – ответил он. – Но не надо отказываться от чудес раньше времени.

– А если по-чудесному, что с ним становится там, за краем?

– Оно уходит в страну, где раньше жили все люди, а теперь только птицы и звери. Там оно отдыхает и набирается сил, потому что это страна счастья.

– Я знаю. Машкина бабушка называет эту страну «рай». Там раньше жили люди, а потом они осрамились, и бог их выгнал оттуда. Бог – это злой волшебник?

– Нет, он добрый. Вряд ли он мог их выгнать, скорее, это сделал кто-то другой.

– Злой волшебник?

– Да. Только я не знаю, как его звать.
– А если бы знал, ты бы его победил?
– Разорвал бы на части! – рассмеялся дядя Миша.
– Значит, ты, такой взрослый, все еще веришь в сказки?
– Знаешь, очень многие взрослые верят в сказки, и от этого их жизнь вовсе не становится хуже. Только лучше.

– Почему?

– Потому что всегда бывает то, во что веришь.

Солнце село за край земли, оставив в небе полыхающий хвост заката.

– Пойдем, – сказал дядя Миша. – Надо еще палатку поставить.

Анечка очень любила ночевать в палатке – маленький брезентовый домик вызывал у нее ни с чем не сравнимое чувство защищенности и уюта. А за мягкими стенами в темноте страшно вскрикивали ночные птицы и трава шуршала, будто вокруг ходил великан. Иногда любопытство пересиливало страх темноты, и тогда Анечка по плечи высовывалась наружу, глядя, как в черноте неба расцветают огромные звезды, каких никогда не было в городе.

Утром она с дядей Мишей умывалась возле озера. Было прохладно, над водой висело плотное покрывало тумана. На глинистом берегу рос камыш, а чуть дальше от воды – густые заросли болиголова.

– Хочешь, сделаю тебе дудочку? – улыбнулся дядя Миша.

– Хочу! – Анечка захлопала в ладоши от радости.

Дядя Миша срезал стебель камыша складным ножом, затем отмерил нужную длину и снова обрезал.

– Пусть чуть просохнет, пока завтрак готовится. Сделаю до отъезда.

Вода за ночь остыла и приятно холодила лицо. Сквозь нее были видны плоские, чуть поросшие бархатной зеленью камушки. Еще Анечка заметила стайку мальков, но они испугались и уплыли, когда она зачерпнула воду рукой.

Костер дядя Миша разводить не любил. У него для стряпни был специальный бронзовый примус, на который он ставил маленькую, почти игрушечную сковородку. Примус свистел и фыркал, а в сковородке грелся извлеченный из банок «Завтрак туриста». Анечка называла его «ужасной смесью», но кушала с удовольствием.

Дядя Миша сделал дудочку в срок, как и обещал, – он всегда выполнял свои обещания. Всегда-всегда.

– Она волшебная, – подмигнул он, протягивая игрушку.

– Не бывает, – отмахнулась Анечка.

– А ты попробуй подуй.

Она дунула, но звука не вышло.

– Сильнее! – рассмеялся дядя Миша.

Анечка дунула сильнее, и дудочка выдала длинный, очень чистый звук.

– Здоровско! – у Анечки глаза заблестели от счастья.

– Видишь, тут девять дырочек, – показал он. – Если их по-разному прижимать, то получатся разные ноты. Можно сыграть любую музыку. Давай покажу.

Он взял дудочку и без запинки сыграл «В траве сидел кузнечик». Анечке это показалось очень сложным занятием.

– Научишься, – пообещал дядя Миша.

Анечка не могла не поверить, ведь его обещания всегда выполнялись. К тому же он явно лучше всех разбирался в дудочках.

– А вот китайская музыка, – улыбнулся он и сыграл настоящий китайский мотивчик, по очереди отпуская и прижимая пальцы.

– А в чем же волшебство? – спросила Анечка, принимая игрушку обратно.

– Это твой ключик в волшебный мир, – объяснил дядя Миша. – Ведь любому человеку порой бывает очень плохо, до слез. Кто-то обидит, или что-то пойдет не так. Если с тобой такое случится, выйди из дома и найди место, где можешь остаться одна. Сядь и просто играй на дудочке, пока тебе не станет легко.

– А станет?

– Станет обязательно, я тебе обещаю. Придет добрый волшебник Ветер и унесет все твои печали так далеко, что они никогда до тебя не доберутся. Ветер всегда приходит на зов дудочки.

– Почему?

– Потому что звук в дудочке рожден ветром. Тем, который ты выдуваешь. Только ты ее не теряй, она тебе точно поможет.

Он не обманул, как всегда. Конечно, ведь когда-то дядя Миша был моряком, а кто лучше моряков может знать о ветре?

Тем летом Анечка часто играла на дудочке. Это было последнее лето ее беззаботного детства, а это всегда чувствуется и всегда вызывает грусть. Она играла, когда ее предал Малька и когда Вадик забрал ее велосипед и разбил, специально врезавшись в дерево. Она забиралась на крышу дедовского дома и играла, глядя, как плывут в небесах облака. Она играла, когда Оля со злости вылила ей на платье целую банку краски, и особенно долго играла, когда дядя Миша умер от страшной болезни, название которой бабушка даже боялась произносить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.